

Т $\frac{57}{140}$

Р — Н.
русск. былины

НК-

T $\frac{57}{140}$

Русскія народныя былины.

По сборникамъ
Кирши-Данилова, Рыбникова,
Киръевскаго
и Тильфердинга.

Со многими рисунками.

Составлено

В. и Л. Р—нъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

17

Дозволено цензурою. Москва, 1 ноября 1903 года.

2007088999

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1904.

T $\frac{57}{140}$ Cu

Святогоръ богатырь.

нарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю;
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,

9466-39

А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается:
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашелъ,
„Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скря-
нется,
Двинетъ переметомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукой, — не подымется.

„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
„А этакое чуда не наѣзживалъ,
„Такого дива не видывалъ:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ;
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и конченіе.

Святогоръ и Илья.

На тѣхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой горѣ,
Былъ богатырь чудный,
Что ль во весь же міръ онъ дивный,
Во весь же міръ былъ дивный—
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его мать сыра-земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунъ богатыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Ко тому же Святогору тутъ богатырю
На тѣ было горы на высокія.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упирается подъ облако ходячее.
Приѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Ко тому же Святогору да богатырю.
Приѣзжаетъ-то къ нему да поблизехонько,
А и поклонъ ведетъ да понизехонько:
„Здравствуешь, богатырище порный, (крѣпкій)
„Порный богатырь ты да дивный!“—

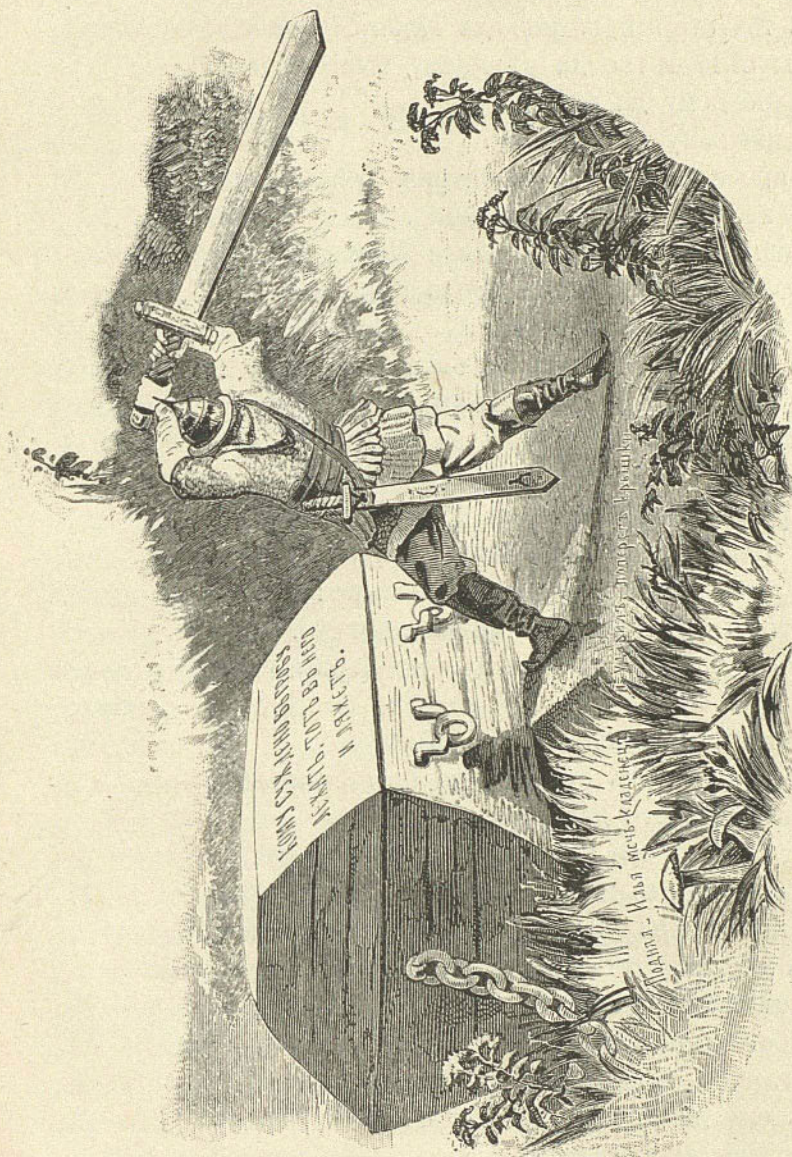
„Ты откуда, добрый молодецъ,
„Какъ ты нарекають по отечеству?“
— „Я изъ города нынѣ Муромля,
„А села да Карачарова,
„Я старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нынѣ богатыря:
„Онъ не ѣздитъ нынѣ на матушку сыру-землю,
„Къ намъ богатырямъ да онъ не явится“.
Отвѣчаетъ богатырь было порный (крѣпкій):
„Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю —
„Не носить меня мать сыра-земля,

...И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ...

„Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
„Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
„Да по щелейкамъ (скаламъ) по толстымъ.
„А ты, старый казакъ да Илья Муромецъ,
„Мы съѣздимъ же ка нынче по щелейкамъ,
„А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ горамъ!“
А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
Назвались они крестовыми братьями.
Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ
Ѣздили они было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ они да по Святымъ горамъ,

Ѣздили они по многу времени,
Ѣздили они да забавлялися,
Находили тутъ они да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
Находили плащаницу да огромную.
Говорить богатырь Ильѣ Муромцу:
„Ахъ ты, старый казакъ да Ильѣ Муромецъ!
„Ты ложись-ка въ плащаницу да въ огромную,
„Что она тебѣ поладится ль?“
Спускается казакъ да Ильѣ Муромецъ,
Спускался тутъ казакъ да и съ добра коня,
А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромный,
А этотъ гробъ да Ильѣ Муромцу да дологъ есть;
Опускается богатырь Святогорскій
А со того было съ добра коня,
А ложился въ плащаницу онъ во дивную,
Та же плащаница да по немъ пришла.
Самъ же съ плащаницы тутъ не выстанеть:
„Ахъ ты, старый казакъ да Ильѣ Муромецъ!
„Ты выздынь съ плащаницы да огромныя“.
Приставае тутъ казакъ да Ильѣ Муромецъ
Къ Святогору да богатырю,
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
А съ того гроба глубокаго.
Говорить же богатырь Святогорскій:
„Ты сломай-ка эти щелья да высокія,
„А повыздынь-ка съ гроба меня глубокаго.“
Старый казакъ да Ильѣ Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыя,
А по той горѣ да по высокіи,
Ставился тутъ обручъ да желѣзный
Черезъ тотъ да гробъ еще великій,
Черезъ тую плащаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Ильѣ Муромецъ да другой разъ,
Что ударить — тутъ же обручъ было ставится.

Старый казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейкѣ по толстыя...

Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святогорскій:

„Видно мнѣ тутъ Богъ и смерть судилъ.

„Ахъ ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!

„А ты съѣзди тко да къ моему было родителю,

„Къ древнему да батюшку

„Къ древнему да темному.

„Ты проси-ка у моего родителя, у батюшки,

„Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица“.

Отправляется казакъ да Илья Муромецъ

Отъ того же Святогора прочь богатыря

На ту на гору Палавонскую,

А къ тому же старику да было древнему,

Хоть бы древнему да темному.

„Здравствуешь, престарый да дѣдушка,

„Древній да темный!

„Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ битьице

„Отъ твоего сына любимаго,

„Отъ того же Святогора я богатыря:

„Просить онъ прощеньица да вѣчнаго.

„Какъ легъ же въ плащаницу (гробъ) онъ въ огром-
ную,

„Я оттыль не могъ его повыздынуть“.

Разсердился тутъ старикъ да было темный,

Темный старикъ да было древній:

„Знать убилъ же Святогора ты богатыря,

„Пріѣзжаешь нынѣ ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,

„Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну!“

Какъ хватить тутъ же палицу да богатырскую

Да помахнетъ да во богатыря,

А и богатырь увернется,

Да старикъ тутъ образумится.

Даль ему да вѣчное прощеньице

Святогору да богатырю

Да и сыну да любезному.

Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

Ко Святогору да богатырю,

Онъ привозить тутъ прощенье ему вѣчное,
Съ нимъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ да онъ кончается.

Вольга Всеславьевичъ.

Закатилось красное солнышко
За горюшки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу;
Порождался Вольга, сударь Всеславьевичъ,
На матушкѣ на святой Руси.
Подрожала сыра-земля,
Страшлось славно царство Индѣйское,
А и сине море сколебалося
Для-ради рожденья богатырскаго
Молода Вольга Всеславьевича.
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Вольга въ полтора часа,
Вольга говоритъ—какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня-матушка,
„Молода Марѳа Всеславьевна!
„А не пеленай во пелену черевчатую,
„А не пояси въ пояся шелковые;
„Пеленай меня, матушка,
„Во крѣпки латы булатные,
„А на буйну голову клади златъ шеломя,
„Во праву руку—палицу,
„А тяжку палицу свинцовую,
„А вѣсомъ та палица девяносто пудъ!“
А и будетъ Вольга семи годовъ
И пошелъ Вольга, сударь Всеславьевичъ,

Обучаться всякихъ хитростей-мудростей:

Птицей летать да подъ облаку,

Рыбою ходить да во глубоки стана,

Звѣрями ходить да во темны лѣса.

А и будетъ Вольга во двѣнадцать лѣтъ,

Собиралъ дружину себѣ добрую,

Добрую дружину, хоробрую,

Тридцать молодцевъ безъ единого,

Самъ еще Вольга во тридцатыхъ.

„Дружина, — скажетъ, — моя добрая, хоробрая!

„Слушайте большого братца, атамана-то:

„Вейте веревочки шелковыя,

„Становите веревочки по темну лѣсу,

„Становите веревочки по сырой землѣ,

„По близности славнаго синя-моря,

„И ловите вы куницъ и лисицъ,

„Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,

„И ловите по три дня и по три ночи“.

Слухали большого братца атамана-то,

Дѣлали дѣло повелѣнное.

Вили веревочки шелковыя,

Становили веревочки по темну лѣсу,

По темну лѣсу, по сырой землѣ,

Ловили по три дня и по три ночи, —

Не могли добыть ни одного звѣрька.

Обернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ, левомъ - звѣ-
ремъ:

Поскочилъ по сырой землѣ, по темну лѣсу,

Заворачивалъ куницъ, лисицъ

И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,

Большихъ, поскакучіихъ заюшекъ,

Малыхъ горностаюшекъ,

Ко тому ли, ко славному синю-морю,

Во тѣ ли во тоневи шелковыя.

И будетъ во градѣ во Кіевѣ

Со своею дружиною со доброю,

И скажетъ Вольга, сударь Всеславьевичъ:

„Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!

„Слушайте большого братца, атамана-то,

„Ставьте-тко пасточки дубовыя,

„Силышки вы ладыте-тко шелковыя,

„Становите силышки на темный лѣсъ,

„На темный лѣсъ, на самый верхъ,

„Ловите гусей-лебедей, ясныхъ соколей

„И малую птицу-пташицу“.

И слухали большого братца, атамана-то,

Дѣлали дѣло повелѣнное:

Вили силышки шелковыя,

Становили силышки на темный лѣсъ,

На темный лѣсъ, на самый верхъ;

Ловили по три дня и по три ночи, —

Не могли добыть ни одной птички.

Повернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ, Науй-птицей,

Полетѣлъ по подоблачю,

Заворачивалъ гусей-лебедей, ясныхъ соколей

И малую птицу-пташицу.

И будутъ во городѣ во Кіевѣ

Со своей дружинушкой хороброю;

Скажетъ Вольга, сударь Всеславьевичъ:

„Дружина моя добрая, хоробрая!

„Слушайте большого братца, атамана-то,

„Дѣлайте вы дѣло повелѣнное:

„Возьмите топоры древорубныя,

„Стройте суденышки дубовыя,

Вяжите вы тоневя шелковыя,

„Выѣзжайте вы на сине-море,

„Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,

„Щученку и платиченку

„И дорогую рыбку осетринку,

„И ловите по три дни и по три ночи“.

И слухали большого братца, атамана-то,

Дѣлали дѣло повелѣнное:

Брали топоры древорубные,
Строили суденышко дубовое,
Вязали тоневя шелковыя,
Выѣзжали на сине-море;
Ловили по три дни и по три ночи, —
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ, рыбой - щу-
чиной

И побѣжалъ по синю-морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Дорогую рыбу осетринку
Со тѣхъ становъ со глубокихъ
Во тьи во тоневя шелковыя.
И будутъ во градъ во Кіевъ
Со своею дружиною, со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Всеславьевичъ:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
„А и есть ли, братцы, у васъ такой человѣкъ,
„Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
„А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
„Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
„Про царя Салтыка Ставрुльевича,
„Про его буйну голову Батыеву.
„Что онъ, царь, совѣтуетъ
„Со своею царицею Авзяковною?
„Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?“
Какъ бы листь со травою пристилается,
Отвѣчаютъ ему удалы добры-молодцы:
„Нѣтъ у насъ такого молодца,
„Опрічь тебя, Вольги Всеславьевича!“
А тутъ таковой Всеславьевичъ,
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ — золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти.
Повернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ,

Малой птицей - пташицей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью,
И будетъ въ царствѣ Индѣйскомъ;
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю индѣйскому
И на то окошечко косящатое.

А не буйные вѣтры по насту тянуть,
Царь со царицей разговоръ говорить:

„Ай же ты, царица Азвяковна,

„Я знаю, про то ѣдаю:

„На Руси-то трава растеть не по-старому,

„Цвѣты цвѣтутъ не попржнему,

„А видно Вольги-то живаго нѣтъ!“

Говорить царица Азвяковна:

„А и гой еси ты, славный индѣйскій царь!

„На Руси трава все растеть по-старому,

„И цвѣты-то цвѣтутъ попржнему.

„А ночесь спалось, во сняхъ видѣлось,

„Бывъ сподъ восточнія сподъ сторонушки

„Налетѣла птица, малая пташица,

„А сподъ западней сподъ сторонушки

„Налетѣла птица — черный воронъ;

„Слетались они во чистомъ полѣ,

„Слетались, подиралися;

„Малая-то птица — пташица

„Чернаго ворона повыклевала,

„По перышку она повыщипала

„И на вѣтеръ все повыпускала!“

— „Ай же ты, царица Азвяковна!

„Поѣду я воевать на святую Русь,

„Завоюю на Руси девять городовъ,

„Подарю своихъ девять сыновъ,

„Привезу тебѣ шубоньку дорогую“.

Говорить царица Азвяковна:

„А не взять тебѣ девяти городовъ,

„И не подарить тебѣ девяти сыновѣ,
„И не привезти тебѣ шубоньку дорогую!“
Этыя рѣчи царю не слюбилися:
Ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу,
И пролилъ у царицы кровь напрасную,
Напрасную кровь, безповинную.
Повернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ,
Малымъ горностаюшкомъ:
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки покусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзки повынималъ,
У того ружья у огненного
Кременья и шомполъ повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Повернулся Вольга, сударь Всеславьевичъ,
Малою птицей — пташицей,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ къ своей дружинѣ хоробрыя.
Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
„Гой еси, вы, дружина хоробрая!
„Не время спать. пора вставать!
„Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому“.
Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью:
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы — любимый кусъ.
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Вольга поилъ, кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, Вольга не спитъ,

Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине-море:
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску нѣтъ.
А поилъ, кормилъ дружинишку хоробрую,
А всѣ у него были яства перемѣнные,
Перемѣнные яства, сахарныя.
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзныя,
Крюки, засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы денны-нощны,
Стоить подворотня дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзаны —
А и только въ вырѣзу мурашу пройти;
И всѣ молодцы закручинились,
Закручинились, запечалилися,
Говорятъ таковы слова:
„Потерять будетъ головки напрасныя,
„А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?“
Молодой Вольга онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ
Во славномъ царствѣ Индѣйскіимъ,
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами:
Со своею стали сбруею со ратною,
И силу индѣйскую въ полонъ брали.
Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

Вольга Всеславьевичъ и Микула Селяниновичъ.

Во славномъ во городѣ, во Кіевѣ,
У ласковаго князя, у Владимира,
Былъ любимый племянничекъ,
Молодой Вольга Всеславьевичъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурьевцомъ,
Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третімъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ слышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброю,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ — другаго не видать,
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Омѣшки на сошкѣ булатные,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна-золота,
А у оратая кудри качаются,
Что не скатенъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.

Говорилъ Вольга таковы слова:

„Божья ти помочь, оратаюшка!

„Орать, да пахать, да крестьянствовать!

„Съ края въ край бороздки пометывать,

„Коренья, каменья вывертывать!“

Говорилъ оратай таковы слова:

„Подит-тко, Вольга Всеславьевичъ

„Со своею со дружинушкой хороброю,

„Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовать.

„Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь

„Со своею со дружинушкой хороброю?“

— „Ай же ты, ратай, ратаюшко!

„Ѣду къ городамъ за получкою:

„Ко первому городу ко Гурьевцу,

„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,

„Ко третьему городу ко Крестьяновцу“.

Говорилъ оратай таковы слова:

„Ай же, Вольга Всеславьевичъ!

„А недавно я былъ въ городѣ, третьево дня,

„На своей кобылкѣ соловоей,

„Увезъ я оттоль соли только два мѣха,

„Два мѣха соли по сороку пудъ.

„И живутъ-то мужики все разбойники,
„Они просятъ грошевъ подорожныхъ;
„А былъ я съ шалыгой подорожною,
„Платилъ имъ гроши подорожные:
„Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
„А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ“.

Говорилъ Вольга таковы слова:

„Ай же, оратай-оратаюшко!

„Поѣдемъ со мною во товарищахъ!“

Этотъ оратай-оратаюшка

Гужики шелковеньки повыстенулъ,

Кобылку изъ сошки повывернулъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

„Ай же, Вольга Всеславьевич!

„Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

„И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,

„И не для-ради мужика-деревенщины.

„Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,

„Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути,

„И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?“

Молодой Вольга Всеславьевичъ

Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя

Пять молодцевъ могучіихъ,

Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Эта дружинушка хоробрая,

Пять молодцевъ могучіихъ

Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,

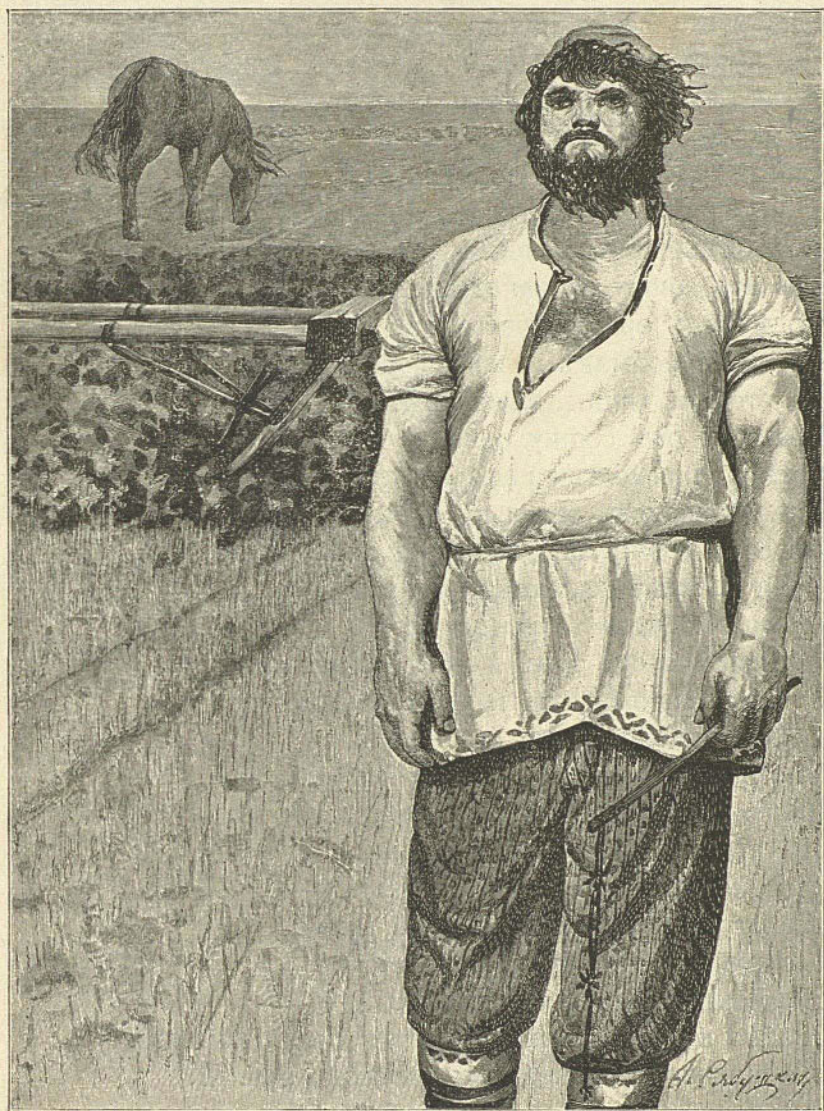
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,

Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Молодой Вольга Всеславьевичъ

Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,

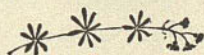
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Микула Селяниновичъ.

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшка!
„Эта кобылка конькомъ бы была, —
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
„Глупый Вольга Всеславьевичъ!
„Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
„И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
„Этая кобылка конькомъ бы была,
„За эту кобылку смѣты бы нѣтъ“.
Тутъ возговорить молодой Вольга ему Всеславьевичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!

„Ты скажи-ка мнѣ, да не потай себя,
„Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отчеству?“
Говоритъ оратай таковы слова:
„Знать же молодца по выѣзду,
„Сильнаго могучаго богатыря по храбрости“.
Тутъ возговорить молодой Вольга ему Всеславьевичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!
„Ты скажи-ка мнѣ, да не потай себя:
„Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отчеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга Всеславьевичъ!
„А я ржи напашу, да во скирды сложу,
„Во скирды складу, домой выволочу,
„Домой выволочу, да дома вымолочу,
„Драни надеру, да и пива наварю,
„Пива наварю, да и мужичковъ напою.
„Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Илья Муромецъ,

крестьянскій сынъ.

Б Ы Л И Н А 1-я.

Илья получаетъ силу богатырскую.

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца, сынъ Ивановича.
Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ, со матушкой
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики переходя
Подъ тое окошечко косявчато.
Говорятъ калики таковы слова:
„Ты пойдѣ, Илья, принеси испить!“
— „Нища братья, я безъ рукъ, безъ ногъ!
— „Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“

Илья сталъ вставать, ровно встrepаный,
Онъ пошелъ, принесъ чару въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать,
Ему нищи отворачиваютъ.

Нища братья у Ильи спрашивали:

„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“

— „Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,

„Ко столбу было золото кольцо,

„За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!“

— „Ты пойди, Илья, принеси другу чару!“

Илья сталъ имъ поднашивать:

Они Ильѣ отворачиваютъ.

Выпивалъ Илья безъ отдыха большу чару въ полтораведра.

Они у Ильи стали спрашивать:

„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“

— „Во мнѣ силушки половинушка!“

Говорятъ калики перехожія:

„Будешь ты, Илья, великій богатырь,

„И смерть тебѣ на бою не писана.

„Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ

„И со всею паленицею удаюю,

„А только не выходи драться

„Со Святогоромъ богатыремъ:

„Его и земля на себѣ черезъ силу носить;

„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:

„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ.

„Не бейся и со родомъ Микуловымъ:

„Его любить матушка сыра земля;

„Не ходи еще на Вольгу Сеславьевича:

„Онъ не силою возьметъ,

„Такъ хитростью, мудростью.

„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго;

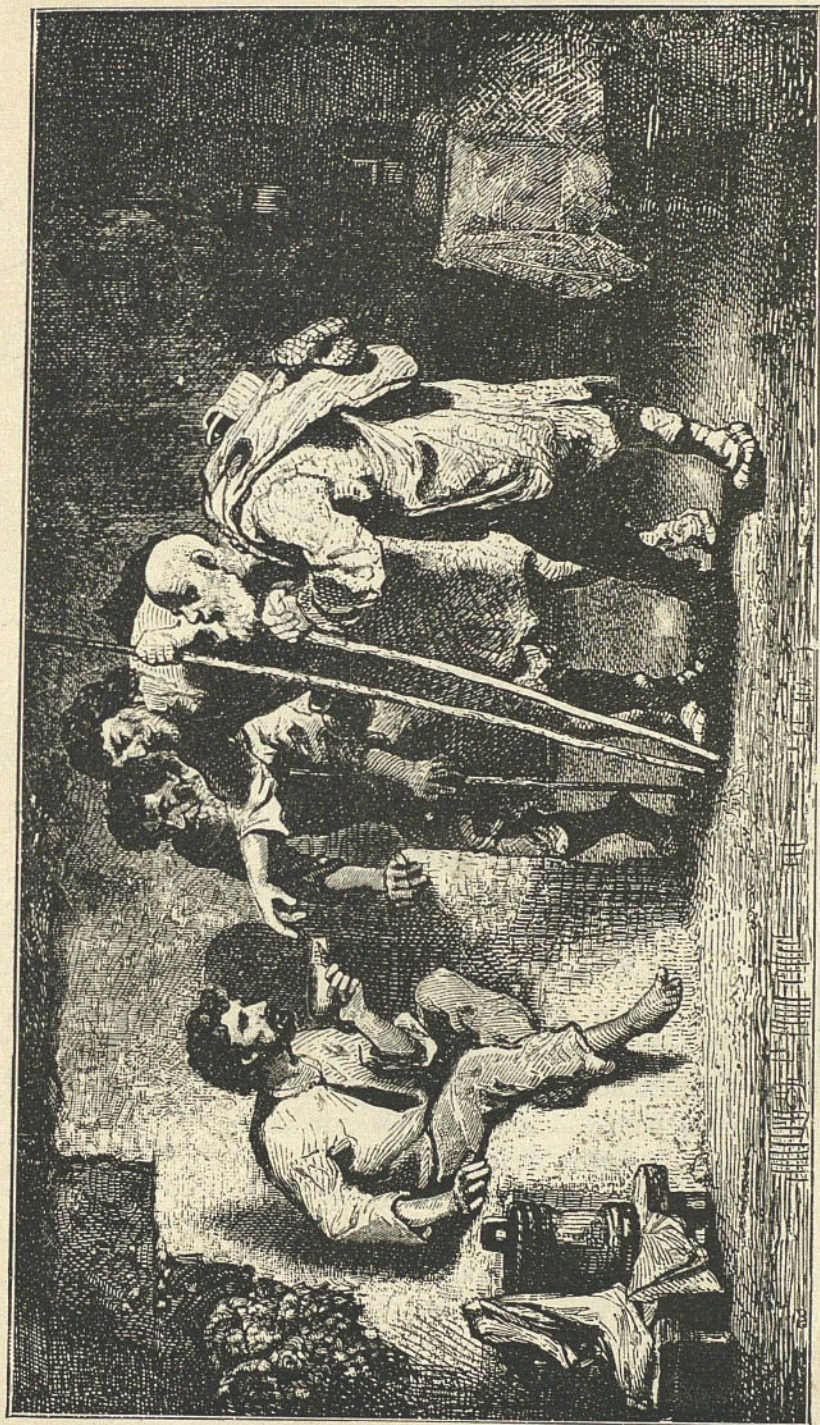
„Выходи въ раздольице чисто поле,

„Покупай жеребчика немудраго,

„Станови его въ срубъ на три мѣсяца.

„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ.

„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты по три noci жеребчика въ саду поваживай,
„И во три росы жеребчика выкатывай.
„Подводи его къ тыну ко высокому;
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать
„И въ ту сторону и въ другую сторону.
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь!“
Тутъ-то калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю, ко батюшку,
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья колоды.
Онъ дубье колодые все повырубилъ,
Во глубину рѣку повыгрузилъ.
Пошелъ Илья во раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика, косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой.
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три noci въ саду поваживать,
Въ три росы его выкатывать.
Сталъ да мой жеребеночекъ поигрывать,
Черезъ Оку рѣку попрыгивать.
Подъѣзжалъ ко тыну ко высокому
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать
И въ ту сторону и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ
Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,
Бралъ у батюшки, у матушки
Прощеньица-благословеньица,
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

«Будешь ты, Илья, великий богатырь.
И смерть твою на бою не написана».

Б Ы Л И Н А 2-я.

**Илья Муромецъ подь Черниго-
вымъ и Соловей-разбойникъ.**

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Онъ и просить себѣ благословеньица:
„Охъ ты, гой еси, родимый, милый батюшка!
„Дай ты мнѣ свое благословеньице,
„Я поѣду во славный, стольный Кіевъ-градъ
„Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
„Заложиться за князя Владимира,
„Послужить ему вѣрой-правдою,
„Постоять за вѣру христіанскую“.
Отвѣчаетъ старый крестьянинъ, Иванъ Тимоѣевичъ:
„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
„А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
„Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
„Ни помысли зломъ на татарина,
„Ни убей въ чистомъ полѣ христіанина“.
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли.
Облатился Илья и обкольчужился:
Бралъ съ собой палицу булатную,
Бралъ онъ копье долгомѣрное,
Еще тугій лукъ да калены стрѣлы,
И шелъ Илья во Божью церковь,
И отстоялъ раннюю заутреню воскресную.
И завѣчалъ завѣты великіе:
Вхать ко славному городу ко Кіеву
И проѣхать дорогой прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ
Черезъ тѣ ли лѣса Брынскіе,
Черезъ черны грязи Смоленскія;
Не натягивать туга лука

И не накладывать каленой стрѣлы,
Не кровавить копья долгомѣрнаго
И не кровавить палицы булатныя.
И сѣдился Илья на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле,
Онъ и бьетъ его по крутымъ бедрамъ,
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется:
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускоку не могли найти,
А въ третій скочилъ подъ Черниговъ-градъ.
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ-черно,
Чернымъ-черно, какъ черна ворона;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Ай во томъ во городъ во Черниговъ,
А во стѣнѣ ворота призатворены,
А у воротъ крѣпки сторожа да поставлены,
А во Божьей церкви стоятъ люди, Богу молятся,
А они каются, причащаются,
А какъ со бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Богатырское сердце разгорчиво и неумчиво:
Пуще огня огничка разыграется,
Пуще палящаго морозу разгорается.
И разрушилъ Илья завѣты великіе:
И приправилъ бурушка-косматушка въ чисто поле,
А онъ рвалъ да сырой дубъ, да кряковистый,
Ай воротилъ онъ дубъ да изъ сырой земли
Со кореньями со каменьями,
А и сталъ онъ тутъ сырымъ дубомъ помахивать,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
А гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится — часты площади!
Добивается до трехъ царевичей.

„Охъ вы, гой есте, мои три царевича!
„Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
„Ай съ васъ буйны головы снять?
„Какъ во полонъ мнѣ васъ взять:
„У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные,
„А какъ головы снять—царски сѣмена погубить.
„Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
„Вы чините вездѣ такову славу,
„Что святая Русь не пуста стоитъ,
„На святой Руси есть сильны могучи богатыри“.

Увидали мужики его, черниговцы:
Отворяють ему ворота во Черниговъ-градъ
И несутъ ему даровья великіе:

„Ай же ты, удалый, добрый молодецъ!

„Ты бери-ка у насъ злато, серебро,

„И бери-ка у насъ скатній жемчугъ,

„И живи у насъ, во городѣ Черниговѣ,

„И слыви у насъ воеводою.

„Будемъ мы тебя поить-кормить:

„Виномъ-то поить тебя до-пьяна,

„Хлѣбомъ солью кормить тебя до-сыта,

„А денегъ давать тебѣ до-люби“.

Возговорить старый казакъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, мужики, черниговцы!

„Не надо мнѣ-ка ни злата, ни серебра,

„И не надо мнѣ-ка скатнаго жемчуга,

„И не живу во городѣ Черниговѣ,

„И не слыву у васъ воеводою,

„А скажите мнѣ дорогу прямоѣзжую,

„Прямоѣзжую дорогу въ стольный Кіевъ-градъ!“

Говорили ему мужички-черниговцы:

„Ай же ты, удалый, добрый молодецъ,

„Славный богатырь Святорусскій!

„Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ версть.

„Окольной дорожкой цѣла тысяча:

„Прямоѣзжая дорожка заколодила,

«А ты лети, моя стрѣла, да не въ темный лѣсъ,
А ты лети, моя стрѣла, да не въ чисто поле...»

„Заколodiла дорожка, замуравила ;
„Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ,
„Черный воронъ не пролетываетъ :
„Какъ у той грязи, у Черныя,
„У тоя березы, у поклапая,
„У славнаго креста, у Леванидова,
„У славненькой у рѣчки, у Смородинки,
„Сидитъ Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ.
„А сидитъ Соловей да на семи дубахъ,
„Свищеть-то онъ по-соловьему,
„Шипитъ-то онъ по-змѣиному,
„Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному,
„А желты пески со кряжиковъ посыплются,
„А темны лѣса къ сырой землѣ преклонятся,
„А что есть людей, всѣ мертвы лежатъ!“
Только видли добра-молодца, да сѣдучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Во чистомъ полѣ да курева стоитъ,
Курева стоитъ, да пыль столбомъ летитъ.
Пошелъ его добрый конъ богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки-озерки между ногъ спускать.
Подбѣгаетъ онъ ко грязи той, ко Черныя,
Ко славныя березы, ко поклапая,
Ко тому кресту, ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ, ко Смородинкѣ.
И наѣхалъ онъ, Илья, Соловья-разбойника.
И слышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія:
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
А въ другой зашипѣлъ, разбойникъ, по-змѣиному,
А въ третью зрываетъ по-звѣриному,
Ажно мать сыра-земля продрогнула,
А со кряжиковъ песочки посыпалися,

А во рѣченькѣ вода вся помутилася,
Темны лѣсушки къ землѣ преклонилися,
А что есть людей, всѣ мертвы лежатъ,
Его добрый конь на колѣнки палъ.

Говорить Илья Муромецъ, Ивановичъ:

„Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!

„Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,

„Не бывалъ ты, конь, въ темныхъ лѣсахъ,

„Не слыхалъ ты свисту соловьиного,

„Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,

„А того ли ты крику звѣринаго,

„А звѣринаго крику, туринаго?“

Разрушаетъ Илья заповѣдь великую:

Становилъ коня онъ богатырскаго,

Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ.

Отъ праваго отъ стремечка булатнаго,

Накладывалъ-то стрѣлочку каленую

И натягивалъ тетивочку шелковую,

А самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:

„А ты лети, моя стрѣла, да не въ темный лѣсъ,

„А ты лети, моя стрѣла, да не въ чисто поле,

„Не пади, стрѣлка, ни на землю, ни на воду,

„А пади Соловьѹ во правый глазъ!“

И не пала стрѣлка ни на землю, ни на воду,

А пала Соловьѹ во правый глазъ.

Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба

Комомъ ко сырой земли.

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,

Пристегнулъ его ко правому ко стремени,

Ко правому ко стремечку булатному.

Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю,

Ѣдетъ мимо: Соловьиное помѣстьеце.

Кабы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,

Какъ было около двора желѣзный тынъ,

А на всякой тынинкѣ по маковкѣ

И по той по головѣ богатырскія.

Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
Смотрятъ въ окошечко косявчато,
Сами они вопроговорятъ таково слово:
„Ай же ты, свѣтъ, государыня матушка!
„Ѣдетъ нашъ батюшка раздольцемъ, чистымъ по-
лемъ,
„И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
„И везетъ онъ мужичищу-деревенщину,
„Ко стремени булатному прикована!“
Увидитъ Соловьиная молода жена,
Въ окошечко по поясъ бросалася,
Смотритъ въ окошечко косявчато,
Сама она вопроговоритъ таково слово:
„Ѣдетъ мужичища-деревенщина
„Раздольцемъ, чистымъ полемъ
„И везетъ-то государя-батюшку,
„Ко стремени булатному прикована!“
Похватили они тутъ шалыги подорожнія.
Она имъ вопроговоритъ таково слово:
„Не вѣшайте вы шалыгъ подорожнихъ,
„Вы пойдите въ подвалы глубокіе,
„Берите мои золоты ключи,
„Отмыкайте мои вы окованы ларцы,
„А берите вы мою золоту казну,
„Вы ведите-тка богатыря Святорусскаго
„Въ мое во гнѣздышко Соловьее,
„Кормиме его ѣствушкой сахарною,
„Поите его питьищемъ медвянымъ,
„Дарите ему дары драгоцѣнные!“
Тутъ ея девять сыновъ закорилися:
И не берутъ у нея золоты ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны;
А худымъ, вѣдь, свои думушки думаютъ:
Хотятъ обернуться черными воронами
Со тѣми носы желѣзными,

Они хотятъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца, Ивановича.
И бросалась молода жена Соловьевая,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалый добрый молодець!
„Бери ты у насъ золотой казны, сколько надобно,
„Отпусти Соловья-разбойника,—
„Не вези, Соловья, во Кіевъ-градъ!“
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговаривають,
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора Соловьинаго.
И стегають Илья, онъ, добра коня,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается.
Побѣждалъ Илья, какъ соколъ летить,
Пріѣзжаетъ Илья, онъ, во Кіевъ-градъ,
Пріѣхалъ онъ къ князю на широкій дворъ,
Становилъ онъ коня посередъ двора,
Шелъ онъ въ палату бѣлокаменну
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владимира,
У него, князя, почестный пиръ;
А и много на пиру было князей, бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина,
Зелена вина, въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Сталъ Владимиръ-князь выпрашивать:
„Ты откулешній, дородный добрый молодець!
„Тебя какъ, молодца, именемъ назвать,
„Взвеличать удалаго по отчеству?
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству пожаловати!“

Говорить ему Илья таковы слова:

„Есть я изъ славнаго города, изъ Мурома,
„Со славнаго села Карачарова,
„Именемъ меня Ильей зовутъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
„Стоялъ-то я з утреню во Муромѣ,
„Поспѣвалъ-то я къ обѣденкѣ въ стольно Кіевъ-градъ.
„Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
„Бѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
„Прямоѣзжей, мимо славенъ Черниговъ-градъ,
„Мимо славную рѣченьку Смородинку!“
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владимиръ-князь!
„Во очахъ дѣтина завирается:
„Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
„У рѣчки у Смородинки Соловей-разбойникъ, Одихман-
тѣевъ сынъ.

„Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
„Отъ того Соловья-разбойника!“

Говорить Илья таковы слова:

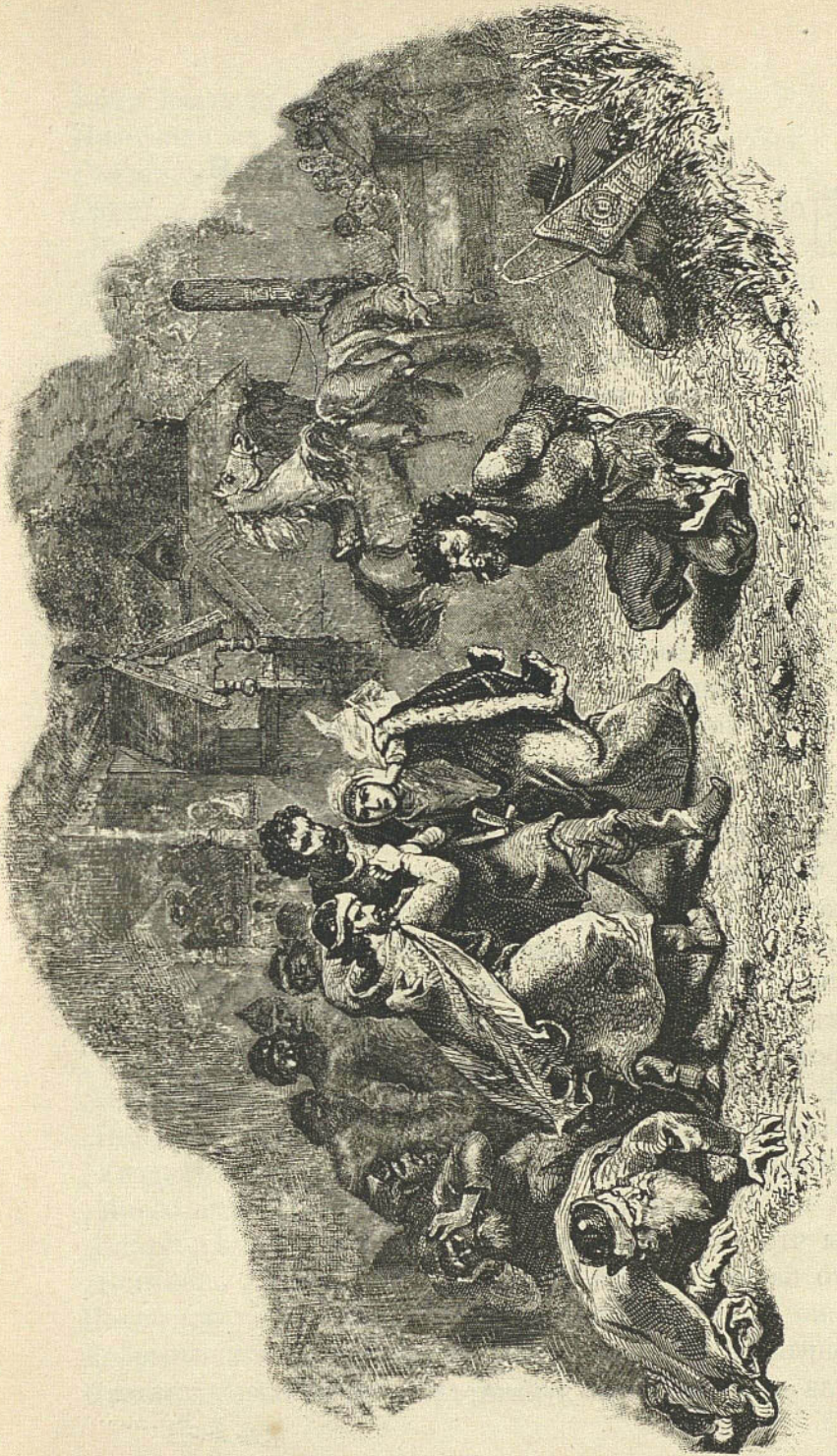
„Владимиръ-князь стольно кіевскій!
„Соловей-разбойникъ на твоємъ дворѣ,
„И прикованъ онъ ко правому стремечку,
„Ко стремечку, ко булатному!“

Тутъ Владимиръ-князь стольно-кіевскій
Скорешенько вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболѣю на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
Подходитъ онъ къ Соловью, къ разбойнику.
Выходили тутъ князи, бояра,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ, богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Святогоръ богатырь и Полканъ другой
И семь-то братовъ Збродовичи,

Становиль онъ коня посередъ двора,
Шель онъ въ палату бѣлокаменну
И молился онъ Спасу со Пречистою..

Еще мужики были Залѣшане,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Говорилъ Владимиръ Ильѣ Муромцу:
„Прикажи-ка засвистать по-соловьему,
„Прикажи-ка воскричать по-звѣриному!“
Говорилъ ему Ильѣ Муромецъ:
„Засвищи-ка, Соловей, только въ полсвиста соловьяго,
„Закричи-ка только въ полкрика звѣринаго!“
Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
Закричалъ злодѣй, онъ, по-звѣриному:
Отъ этого посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго,
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривилися,
Околенки хрустальныя поразсыпались,
А и князи и бояри испужалися,
На корачкахъ по двору напоззалися,
Попадали всѣ сильныя могучіе богатыри,
И накурилъ онъ бѣды несносныя...
А Владимиръ-князь едва живъ стоитъ
Со душой княгиней Апраксией.
Говоритъ тутъ ласковый Владимиръ-князь:
„Ахъ ты, гой еси, Ильѣ Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья-разбойника!
„А и эта шутка намъ не надобна!“
Садился Ильѣ на добра коня:
Ѣхалъ Ильѣ въ раздольице, чисто-поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему голову приговаривалъ:
„Полно-тко тебѣ слезить отцовъ, матерей,
„Полно-тко вдовить молодыхъ женъ,
„Полно спускать сиротать малыхъ дѣтушекъ!“
Тутъ Соловью и славу поють!

«Ахъ ты, гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
«Уйми ты Соловья-разбойника!»

БЫЛИНА 3-я.

Застава богатырская.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ,
Есаулъ — Алеша поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гриша боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька долгополый.
Всѣ были братцы въ разѣздицѣ:
Гриша боярскій въ тѣ-порѣ кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ,
Илья Муромецъ былъ во чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ великую,
Ископотъ велика — полъ-печи.
Учалъ онъ ископотъ досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
„Изъ этой земли изъ Жидовскія.
„Проѣхалъ Жидовинъ, могучъ богатырь,
„На эти степи Цицарскія“.
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братью приборную:
„Ой вы, гой еси, братцы ребятушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли,
„Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!“
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську долгополага.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, положили:

„У Васьки полы долги,

„По землѣ ходитъ Васька заплетается;

„На бою, на дракѣ заплетется;

„Погинетъ Васька понапрасному“.

Положились на Гришку на боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, удумали;

„Гришка рода боярскаго,

„Боярскіе роды хвастливые;

„На бою-дракѣ призахвастается;

„Погибнетъ Гришка понапрасному“.

Положили на Алешу на Поповича:

Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, положили:

„Алешенька рода поповскаго,

„Поповскіе глаза завидушіе,

„Поповскія руки загребушія,

„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ

„Много злата, серебра,

„Злату Алеша позавидуетъ;

„Погинетъ Алеша понапрасному“.

Положили на Добрыню Никитича:

Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.

Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесьмяную,
Сѣдлалъ въ сѣделишко черкасское,
Во торока вяжетъ палицу боевую —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедро беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плетъ шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину (черное пятно),
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Видитъ дородня добра-молодца
Таки шуточки пошучиваетъ:
Выкидываетъ палицу вверхъ подъ облако,
Выметываетъ сабельку вострую,
Принимаетъ палицу единой рукой,
А другой рукой саблю вострую,
Подъ молодцемъ земля колеблется.
Кричитъ Добрыня зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ-собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братію наборную?“
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.

Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу взмолятся
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь посправился,
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братією со приборною,
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
„Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
„Увидѣлъ на полѣ чернизину,
„Поѣхалъ прямо на чернизину,
„Наѣхалъ въ полѣ на богатыря,
„Таки шуточки пошучиваетъ:
„Вскидываетъ палицу вверхъ подъ облако,
„Выметываетъ сабельку вострую,
„Принимаетъ палицу единой рукой,
„А другой рукой саблю вострую,
„Подъ молодцемъ земля колеблется.
„Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
„Воръ-собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братію наборную?
„Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
„Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
„Попушалъ на меня добра коня,
„Сыра мать-земля всколебалася,
„Изъ озеръ вода выливалась,
„Подо мной конь на колѣнца палъ.
„Тутъ я Господу Богу взмолился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!
„Подо мной тутъ конь посправился,

„Уѣхалъ я отъ нахвальщика
„И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую“
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше некъмъ замѣнитися,
„Видно ѣхать атаману самому!“

Борьба Ильи Муромца съ Жидовиномъ.

Исходитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесьмяную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плетъ шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину:
Видитъ дородня добра молодца,
Таки шуточки пошучиваетъ:
Выкидываетъ палицу вверхъ подъ облако,
Выметываетъ сабельку вострую;
Принимаетъ палицу единой рукой,
А другой рукой саблю вострую,
Подъ молодцемъ земля колеблется.
Вскричалъ (Илья) зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ-собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
„Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удрабился (не испугался),
Сѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились,
У палокъ цѣвья отломались,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,
Востры сабли приломались,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись,
Другъ дружку не ранили.
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейка ручкой правою,
Поскользится у Илейки ножка лѣвая,
Паль Илья на сыру землю.
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
„Старый ты старикъ, старый матерый!
„Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто-поле?
„Будто нечѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
„Ты поставилъ бы себѣ келейку
„При томъ пути — при дороженькѣ;
„Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
„Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ“.
Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говорить Илья таковы слова:
„Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
„Не ладно у апостоловъ удумано;

„Написано было у святыхъ отцовъ,
„Удумано было у апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
„А теперь Ильѣ подъ богатыремъ!“
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,
Палъ нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ по поясъ.
Вскочилъ Ильѣ на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать —
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца
Со своею братьей наборною.
Ильѣ бросилъ голову о сыру-землю,
При своей братьѣ похваляется:
„Бздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
„Экаго чуда не наѣзживалъ!“

Б Ы Л И Н А 4-я.

Ильѣ Муромецъ и поганое Идолище.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владимира
А явилось чудо неслыханное:
Наѣхало Идолище поганое,
Со своей ли рать силой великою.
Въ долину Идолище шести сажень,
Въ ширину идолище трехъ сажень,

Глаза у него, какъ чаши пивныя,
Межъ ушами у него какъ сажень со докотью,
Межъ ноздрями изляжетъ калена стрѣла.
Обставилъ ту силу вокругъ Кіева,
А на всѣ же на стороны, а на шесть верстѣ.
Не случилось у князя, у Владимира,
Дома русскіихъ могучіихъ богатырей:
Уѣхали богатыри въ чисто поле,
Во чисто поле уѣхали полякивать:
А ни стара казака Ильи Муромца,
А ни молода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было Поточка Ивановича,
Убоялся нашъ Владимиръ стольно-кіевскій,
Выходилъ да нынѣ нашъ Владимиръ князь
Со своими подарками золочеными,
Что ль татарину онъ кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое гостебище,
На свое было великое пированьице,
Во свои было палаты бѣлокаменны.
Идетъ то Идолище поганое
А ко ласковому князю ко Владимиру;
Онъ сидитъ, ѣстъ-пьетъ да прохлаждается,
Надъ Владимиромъ княземъ похваляется:
„Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
„А Божьи церкви всѣ на дымъ спущу,
„А князей, бояръ всѣхъ повырублю“.
По той тутъ дорожкѣ по латынскія
Идетъ тутъ калика перехожая,
Перехожая калика бродимая,
Сильный могучій ли Иванище;
Идетъ то калика перехожая
Въ меженной (лѣтній) день по красному солнышку,
А въ зимній день по дороге камню самоцвѣтному,
Гуня на каликѣ сорочинская,
Шляпа на главѣ земли греческой,
А лапотки были изъ семи шелковъ,

Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными;
Несетъ въ рукахъ клюху девяносто пудъ;

Идетъ де старикъ, подпирается,

Ино мать-то земля колебается!

Идетъ тутъ Иванище по чисту полю,

А навстрѣчу ѣдетъ Илья Муромецъ:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Ты откуль идешь, откуль бредешь?

„Откуль бредешь, откуль путь держишь?“

— „Я иду-бреду отъ города Іерусалима,

„Господу Богу помолился,

„Во Іорданъ рѣченькѣ искупался,

„Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,

„А ко Господнему гробу приложился“.

И говоритъ Илья таковы слова:

„Давно ли ты бывалъ на святой Руси,

„На святой Руси, во славномъ Кіевѣ?

„Давно ли ты видѣлъ князя Владимира,

„Со стольною княгинею Апраксою?

„Все ли есть во городѣ во Кіевѣ по-старому,

„По-старому ли есть, попржнему?

Да спрговоритъ калика переходя:

„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!

„Недавно я былъ на святой Руси, третьягодня,

„И видѣлъ я князя Владимира

„Со стольною княгинею Апраксою;

„Надъ ними несчастьице случилось;

„Не по-старому въ Кіевѣ, не попржнему:

„Одолѣли поганые татаровья,

„Наѣхалъ есть поганое Идолище.

„Сидитъ татаринъ между княземъ и княгинею,

„Не даетъ волюшки князю съ княгинею подумати!

„А по грѣху учинилося,

„Въ Кіевѣ богатырей не случилось“.

Спрговоритъ Илья, да Илья Муромецъ:

„Ахъ ты, сильный, могучій Иванище!

„Есть у ты силы съ дву меня,
„А смѣлости ухватки половинки нѣтъ!
„Скидавай ты платье калическое,
„Скидавай-ка ты гуню сорочинскую,
„Разувай-ко лапотки шелковыя,
„Уступи-тко мнѣ клюхи на времечко,—
„И надѣвай платье богатырское“...

И думалъ-подумалъ калика перехожая:
Не дать Ильѣ платица, такъ силой возьметъ;
И скидывалъ подсумки рыта бархата,
И скидывалъ гуню сорочинскую,
И разувалъ лапотки шелковыя,
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ платье богатырское.
Обувалъ Илья лапотки шелковыя,
Одѣвалъ гуню сорочинскую,
Надѣвалъ подсумочки рытаго бархату.
Не даетъ ему каличище Иванище!
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорить ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!
„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
„Мнѣ на бою смерть вѣдь не написана,
„Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется“.

Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище—заворыдалъ!
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой
земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну,
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
„Солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій!
„Принимай калику перехожую,
„Корми-ка ты калику до-сыта,
„Пои-ка ты калику до-пьяна“...

Тутъ-то царскіе терема пошатались,
Хрустальныя оконцы посыпались
Отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Тутъ татаринъ бросался по плечъ въ окно:
„Ай же вы, горланы русскіе!
„Что вы здѣсь завѣдали?
„Что вы стали по часту учащивать?
„Ступай-ка, калика, прямо во высокъ теремъ“.
Приходить калика во высокъ теремъ,
Крестъ-то кладетъ по-писанному,
Поклонъ-то ведетъ по-ученому,
Здравствуетъ князя съ княгинею,
А тому ли татарину не бьетъ челомъ.
Говоритъ Идолище поганое:
„Ай же ты, калика русская,
„Русская калика, перехожая!
„Скажи-ка, калика, не утай себя,
„Какой есть у васъ на святой Руси
„Старый казакъ Илья Муромецъ?
„Великъ ли онъ ростомъ собою есть?
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я,
„Мы съ нимъ были братьица крестовые“.
Говоритъ ему Идолище поганое:
„По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
„А и много ли пьетъ зелена вина?“
Какъ говоритъ ему Илья, Илья Муромецъ:
„Ужъ онъ хлѣба-то ѣстъ по три колачика,
„А напитокъ пьетъ по три рюмочки“.
Говоритъ ему Идолище поганое;
„Экой вашъ богатырь Илья!
„А я то, Идолище поганое,
„Я по хлѣбу кладу за щеку,
„А по другому кладу я за другую,
„Лебедь бѣлую на закусочку,
„Ведро мѣрное на запивочку!“

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Какъ у моего было у батюшка
„Большебрюхая коровище-обжорище,
„Она много ѣла, пила, да и лопнула!“
Это слово Идолищу не слюбилося:
Хватилъ тутъ онъ ножище-кинжалище
И махнулъ онъ калику переходую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку мале-
шенько,

Отъ того отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ ножикъ пріотмахивалъ.
Пролетѣлъ ножикъ во дверь бѣлодубову,
И выскочила дверь съ ободвериной!
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпу земли греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
А какъ выскочить онъ да на широкъ дворъ.
Взялъ же онъ клюхой было помахивать,
А поганихъ татаровей охаживать,
А прибилъ онъ всѣхъ поганихъ татаровей,
Не оставилъ поганихъ на сѣмена,
А очистилъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
Онъ избавилъ солнышка Владимира
Отъ того было полону великаго.
Тутъ же Ильѣ Муромцу и славу поють.

Б Ы Л И Н А 5-я.

Илья Муромецъ и Калинь царь.

А и во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова князя Владимира,
Начинался, заводился да почестный пиръ,
Заводился пиръ на веселѣ
На многіе на князи да на бояра.

А не зоветъ онъ, вѣдь, себѣ да во почестный пиръ
Сильныхъ могучихъ богатырей,

А приходитъ-то Илюша, да не званый онъ.

Самъ ли солнышко спотѣшилъ:

Да кого дарилъ онъ городами-то,

Да кого-то дарилъ и съ пригородками,

Да кого-то дарилъ и селами-то,

Да селами-то дарилъ да со приселками.

Тутъ стала бы княгиня говорить:

„Ты, гой еси, батюшка, Владимиръ князь!

„Всѣхъ ударилъ ты, всѣхъ ужаловаль,

„Одного только удалаго добра молодца

„Не дарилъ ты, не жаловаль,

„Что по имени Илью Муромца!“

— „Ты гой еси, княгиня неразумная!

„Подарю я удала добра молодца

„Тѣми дарами, которы мнѣ пришли

„Отъ татарина, отъ бусурманова:

„Подарю я его тою шубой соболиною“.

Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ

И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,

А самъ къ шубѣ приговариваетъ:

„Велить-то мнѣ Богъ шубу бить

„О кирпищатъ полъ,

„Велить ли мнѣ Богъ бивать

„Татарина бусурманова?“

Тутъ князя и бояры подмолвились:

„Гой еси, батюшка, Владимиръ князь!

„Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,

„Одному-то удалому молодцу

„Дары тѣ не по любви пришли,

„Что по имени-то Ильѣ Муромцу“.

Да разсердился-то солнышко Владимиръ князь

И приказаль-то, вѣдь, Владимиръ князь да стольно-кіевскій

Взять удалаго добра молодца,

Что по имени-то Илью Муромца.

Повести было его на горы высокія,
Бросить его въ погребѣ глубокіе,
Задернуть рѣшетками желѣзными,
Завалить чашей-хрящемъ камнемъ,
А поморить его смертью голодною.
А сильные кіевскіе богатыри
А разсердились тутъ на князя на Владимира,
Они скоро, вѣдь, садились на добрыхъ коней,
А уѣхали они да во чисто поле,
Во тое во раздолье во широкое.
„А не будемъ, вѣдь, мы жить болѣ во Кіевѣ,
„А не будемъ мы служить князю Владимиру!“
Княгиня была догадлива,
Копала подкопы подъ тѣ погребѣ,
Поила и кормила добраго молодца,
Что по имени Илью Муромца.
Да проходило, вѣдь, тутъ времени ровно три году.
Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватая,
Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе.
Случилось итти турамъ мимо Кіевъ-градъ,
Мимо тую стѣну городовую.
Они видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ-чудно,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ-дивно:
И по той стѣнѣ городовыя
Ходитъ дѣвица-душа красная,
Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
Сколько не читаетъ, а вдвое плачетъ.
И побѣжали туры прочь отъ Кіева,
И встрѣтили турицу родную матушку,
И встрѣтили турицу — поздоровались:
„Здравствуй, турица, родна матушка!“
— „Здравствуйте, туры, малы дѣтушки!“
„Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?“
— „Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
„Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чуднымъ-чудно.

„Какъ мы видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивнымъ-дивно:

„И по той по стѣнѣ городовая

„Какъ ходила дѣвица-душа красная,

„Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,

„Сколько не читаетъ — вдвое плачетъ“.

Говорить турица златорогая:

„Ай вы, глупы туры, малые дѣтушки!

„Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная,

„А тутъ плакала стѣна-мать городовая,

„Она вѣдала невзгодушку великую“.

Не волна ли какъ на морѣ расходилася,

А не сине море всколебалось,

Ай взволновался да вѣдь Калинъ царь,

Злой Калинъ, царь Калиновичъ,

На славный, на стольный Кіевъ-градъ,

На солнышко князя Владимира.

Ай какъ онъ на святую Русь

Со своею силою поганою:

Съ сорока царями-царевичами,

Съ сорока королями-королевичами,

У всѣхъ силы было набрано,

У всѣхъ силы было заправлено,

У всѣхъ было силы по сороку тысячей,

У самого собаки царя Калина смѣты нѣтъ!

Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,

Становился Калинъ у быстра Днѣпра;

Сбиралось съ нимъ сила на сто верстъ

Во всѣ тѣ четыре стороны.

Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется,

Зачѣмъ не разступится?

А отъ пару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,

Не видать луча свѣта бѣлаго;

Какъ отъ покрику отъ человѣчьяго,

Какъ отъ ржанья отъ лошадинаго

Унываетъ сердце человѣческое.

А отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть!
И разставилъ силу по чисту полю,
А самъ сходилъ, собака, со добра коня.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты, —
Не чернилами писалъ — краснымъ золотомъ,—
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силѣ по поганья:
„Ай же вы, слуги мои вѣрные!
Кто знаетъ баять по-русскому,
Мычать про себя да по-татарскому?“
И сыскался татаринъ поганый:
А мѣрю тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведеръ,
Съ пивной котелъ, сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Знаетъ баять по-русскому,
А мычать про себя по-татарскому.
„Ай же ты, слуга моя вѣрная,
„Бери ерлыки во бѣлы руки,
„Поѣзжай-ка ты, посолъ, во стольный Кіевъ-градъ,
„Ко ласковому князю на широкій дворъ.
„Станови коня среди широка двора,
„Самъ пойдѣ въ палату бѣлокаменну:
„А и русскому Богу не кланяйся,
„А солнышку князю челомъ не бей,
„Не клони ему буйной головушки.
„Кладывай ерлыки ему на дубовый столъ, —
„Отъ мудрости слово написано:
„Что возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ-градъ,
„А Владимира князя въ полонъ полонить,
„Божьи церкви на дымъ пустить“.

Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
А и будетъ онъ, татаринъ, во Кіевѣ
Среди двора княженецкаго;
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владимиру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владимира.
Отшедъ, татаринъ слово выговаривалъ:
„Владимиръ князь стольно-кіевскій!
„А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ-градъ,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„И безъ того кроволитія напраснаго!“
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
Владимиръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматри-
валъ,

Глядячи въ ярлыки, заплакалъ свѣтъ:
„А разсердилъ-то я теперь богатырей,
Всѣ богатыри разѣхались,
А стараго казака Илью Муромца
Засадилъ-то его во глубокъ погребъ
И заморилъ его смертью голодною“.
Говоритъ княгиня да Апраксія:
„Можетъ, живъ старый казакъ, Илья Муромецъ,
„Бываетъ, съѣздитъ во Кіевъ-градъ, постарается?“
Отвѣчаетъ ей Владимиръ князь:
„Ты, гой еси, княгиня неразумная!
„Сними-ко ты буйную голову,
„Приростетъ ли она ко плечамъ?
„Такъ будетъ ли живъ черезъ три года

„Удалой добрый молодецъ,
„Что по имени Ильѣ Муромецъ?“
Говоритъ княгиня князю Владимиру:
„Посылай только, онъ живъ сидитъ!“
Выходилъ князь Владимиръ на красно крыльцо,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
„Вы, гой еси, слуги вѣрные!
„Вы подите-ко на горы на высокія,
„Развалите чащи-хрящи камни,
„Раздерните рѣшетки желѣзныя!“
Пошли слуги на горы высокія,
Развалили чащи-хрящи камни,
Отворяли рѣшетки желѣзныя.
И заходитъ Владимиръ князь во погреба глубокіе.
И сидитъ старый казакъ Ильѣ Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ,
А и горитъ у Ильюни воскова свѣча,
И читаетъ книгу онъ Евангеліе.
Упадалъ Владимиръ князь Ильѣ во праву ногу:
„Ай же ты, старый казакъ Ильѣ Муромецъ!
„А не знаешь ты невзгодушки великія:
„А ко славному ко городу ко Кіеву
„Наѣзжалъ-то тутъ поганый воръ Калинъ царь.
„Ужъ ты выдь-то, Ильѣ, да изъ погреба.
„Сѣѣди, постарайся ради дому Пресвятыя Богородицы,
„И ради матушки свято Русь-земли,
„И ради церквей соборныхъ!“
Выходилъ на Божій свѣтъ Ильѣ Муромецъ.
Надѣваетъ латы, тѣ кольчуги золоченыя,
А онъ уздаетъ, сѣдлаетъ коня добраго,
Садился Ильѣ на добра коня,
А поѣхалъ онъ изъ города, изъ Кіева;
Провожаетъ его Володимиръ князь.
Говорилъ Ильѣ таково слово:
„Не о чемъ ты, осударь, не печалуйся,

„Боже Спасъ оборонить насъ,
„А не что Пречистый и всѣхъ сохранить!“
Выѣхалъ Илья да во чисто поле
И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ,
Посмотрѣть на войска на татарскія.
Ай, какъ силушки на чистомъ полѣ,
Что мелкаго лѣсу да шумячаго,
Не видно ни краю ни берега!
А и какъ знаменій на чистомъ полѣ,
Ай, какъ будто сухого лѣсу жароваго!
Тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ ко раздольицу чисту полю,
Не могъ конца краю силушки наѣхати.
А поднимается на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Конца краю силы насмотрѣть не могъ!
А со первой-то горы Илья да онъ спускается,
На другую-то гору онъ поднимается,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную, вѣдь, сторону;
А во той ли сторонѣ да подъ восточной,
А увидѣлъ въ полѣ тамъ бѣлой шатеръ.
Онъ спустился съ той горы высокія
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу шатру.
У того ли въ полѣ у бѣла шатра
А стоитъ двѣнадцать коней богатырскихъ,
Они зоблютъ пшениу да бѣлоярову.
Видитъ тутъ Илья да таково дѣло:
А стоятъ-то кони тутъ русійскіе:
Отца крестнаго Самсона Самойловича
И его-то вѣдь братицевъ крестовыхъ,
Крестовыхъ-то братцевъ, вѣдь, названныхъ.
Онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
Припускалъ къ пшенѣ да бѣлояровой.
Заходилъ тутъ Илья во бѣлой шатеръ:

А глаза-то онъ крестить да по-писанному,
Поклонъ-отъ онъ ведетъ да по-ученому,
На всѣ стороны Ильюня покланяется,
А и крестному онъ батюшкѣ въ особину:
„Здравствуешь ты, крестный ты мой батюшка,
„Самсонъ сынъ Самойловичъ!
„Вы здравствуйте, крестова моя братія,
„А крестовая вы братія, названая!“
Увидали-то они да Илью Муромца,
А скоро вѣдь скочили на рѣзвы ноги:
„Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Говорили,— ты посаженъ во глубокъ погребъ
„У того ли то у князя, у Владимира,
„И поморенъ ты смертію голодною,
„А ты, вѣрно, старикъ, да живъ поѣзживаешь!“
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же ты, крестный мой батюшка,
„Самсонъ сынъ Самойловичъ,
„И вся братія крестова, названая!
„Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней,
„А садитесь вы да на добрыхъ коней,
„А поѣдьте на помощь на великую:
„Супротивъ поѣдемъ царя Калина!“
Говоритъ отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, любимый крестничекъ,
„Старый казакъ Илья Муромецъ!
„А не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
„И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
„Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
„Не бывать бы мнѣ во городѣ во Кіевѣ,
„Не глядѣть бы мнѣ на князя, на Владимира
„И на княгиню Апраксию не сматривать,
„И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ-градъ:
„У него есть много да князей, бояръ,
„Кормить ихъ и поить и жалуетъ,
„Ничего намъ нѣтъ отъ князя, отъ Владимира!“

И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:

„Батюшка крестный, Самсонъ Самойловичъ!

„А не ради вѣдь мы князя да Владимира,

„А не ради мы княгини да Апраксіи,

„Ради дому Пресвятыя Богородицы,

„И ради матушки свято Русь-земли,

„И ради той ли то вѣры православныя,

„Да для-ради вдовъ, сиротъ, людей бѣдныхъ

„Положи ты половину грѣха на меня!

„Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней,

„А садитесь вы да на добрыхъ коней

„А поѣдете на помочь на великую,

„Насупротивъ поѣдемъ царя Калина!“

И говоритъ Самсонъ Самойловичъ:

„Нѣтъ, крестничекъ мой любимый!

„Великій мой грѣхъ:

„Не поѣду стоять я за Кіевъ градъ!“

— „Батюшка крестный, Самсонъ Самойловичъ!

„Положи же весь грѣхъ на меня!

„Вы сѣдлайте-тка добрыхъ коней,

„А садитесь вы да на добрыхъ коней,

„А поѣдете на помочь на великую,

„Насупротивъ поѣдемъ царя Калина!“

Тутъ-то крестный его батюшка

И вся крестовая его братія названая

Поѣхали да на помочь великую,

Супротивъ царя да они Калина.

Выѣзжали-то на гору на высокую,

Поглядѣли тутъ на силу на поганую:

А стоитъ тая сила во чистомъ полѣ,

Аки синее море колыбается!

Тутъ-то они шатерь разставили,

Легли они спать, да опочивъ держать.

Ильѣ Муромцу не спится, мало собится,

А зауснула, вѣдь, тутъ братія крестовая.

Встаетъ-то, вѣдь, Илья да на рѣзвы ноги,

А выходилъ-то вѣдь Илья да изъ бѣла шатра:
„Еще ли во Кіевѣ по-старому,
„Еще ли во Кіевѣ да попржнему?“
И звонятъ во Кіевѣ во плакунъ колоколь.
А сядилъ-то Илья да на добра коня,
А спускается со горы со высокія
А на тую ли на силу, на татарскую.
А силу-то онъ бьетъ да трои сутки, не ѣдаючи,
Не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
И съ добра коня Илья да не слѣзаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
А бьетъ-то силу да шесть онъ день, не ѣдаючи,
Не ѣдаючи Илья да не пиваючи,
И съ добра коня Илья, да не слѣзаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
Его добрый-отъ конь да проязычился:
„Ай же ты, старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Укроти-тко ты вѣдь сердце богатырское!
„Есть у собаки царя-Калина
„Выкопано три подкопа глубокіе,
„Я въ подкопъ скочу—повыскочу,
„Тебя, Илью, повынесу;
„И въ другой скочу—повыскочу,
„Тебя, Илью, повынесу;
„И въ третій скочу—повыскочу,
„Тебя-то, Илюшеньку, не вынесу!“
А разгорѣлось его сердце богатырское,
Размахалась его рученька та правая;
Направилъ онъ коня да во глубокъ подкопъ:
Онъ въ подкопъ скочилъ—повыскочилъ,
Въ другой скочилъ—повыскочилъ,
Въ третій скочилъ—самъ повыскочилъ,
Не могъ Илью повынести.
А сбѣжалъ его конь да во чисто поле,
Это началъ онъ, вѣдь, по полю побѣгивать.
Да пришли татары тѣ поганые:

Связали ему ручки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковыя
И привели къ собакѣ царю Калину.
Говоритъ собака-воръ Калинъ царь:
„Ай же ты, старый казакъ, да Илья Муромецъ!
„Тебѣ гдѣ-то одному побить мою силу великую!
„Да садись-ка ты со мной да за единый столъ,
„Бѣшь-ка ты бѣствушку мою сахарную,
„Да и пей-ка мои питица медвяныя,
„Одежь-ка ты мою одежду драгоцѣнную
„И держи-тко мою золоту казну,
„Золоту казну держи по надобью.
„Не служи-тко ты князю Владимиру,
„Да служи-тко ты собакѣ царю Калину!“
Говоритъ Илья да таково слово:
„А не сяду я съ тобой да за единый столъ,
„Не буду бѣсть твоихъ яствушекъ сахарныхъ,
„Не буду пить твоихъ питицевъ медвяныхъ,
„Не буду носить твоей одежды драгоцѣнныя,
„Не буду держать твоей безсчетной золотой казны,
„Не буду служить тебѣ собакѣ царю-Калину!
„А буду стоять я за стольный Кіевъ-градъ,
„А буду стоять за церкви за Божіи,
„А буду стоять за князя за Владимира,
„И съ той ли со княгиней со Апраксией!“
Говоритъ-то собака-воръ Калинъ царь:
„Поведите, татарове, Илью во чисто поле,
„Отрубите Ильѣ буйну голову!“
И повели Илью во чисто поле.
Ведутъ мимо церковь соборную,
Взмолится тутъ Илья да всѣмъ святителямъ.
Какъ изъ далеча-далеча, изъ чиста поля,
Набѣгаетъ-то тутъ къ Ильюшенкѣ да добрый конь,
Ай хватилъ-то онъ зубами за тѣ путы шелковыя,
Свободилъ онъ ручки да бѣлыя,
А скочилъ Илья да на добра коня,

Выѣзжалъ то Илья да во чисто поле,
А и натягивалъ Илья свой тугій лукъ,
Накладываетъ стрѣлочку каленую,
Самъ онъ стрѣлѣ приговаривалъ:
„Лети ты, стрѣла, выше лѣсовъ темныхъ,
„А пади, моя стрѣла, ни на воду, ни на землю,
„Не во темный лѣсъ, не въ чисто поле,
„Пади, моя стрѣла, на тую гору, на высокую,
„Проломи-тко крышу ту шатровую,
„Ты пади, стрѣла на бѣлу грудь
„Къ моему ко батюшкѣ, ко крестному!
„Сдѣлай-ка ты сцапину (царапину) да маленьку,
„Маленькую сцапину, да не великую:
„Онъ и спитъ тамъ, прохлаждается,
„А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется!“
Летѣла та калена стрѣла
Выше лѣсовъ темныхъ,
И не пала она ни наводу, ни на землю,
Летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору высокую,
Проломила она крышу ту шатровую,
А пала она крестному да на бѣлу грудь;
Сдѣлала-ка сцапину да маленьку,
Маленькую сцапину да не великую.
А отъ сну тутъ крестный пробуждается,
И говоритъ онъ таково слово:
„Ставайте-тко, братцы крестовые!
„Вѣрно, моему крестничку не собитя!“
Ай ставали тутъ сильные могучіе богатыри,
Скоро-то ставали на рѣзвы ноги,
Садились они да на добрыхъ коней,
А спускались они да съ высокой горы,
Нападали на поганныхъ татаровей:
И бьютъ ихъ, ломаютъ, въ конецъ губятъ;
Достальные татары на побѣгъ пошли,
Сами они заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,

„Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!“

Поѣхалъ собака-воръ Калинъ царь отъ города, отъ
Кіева,

Самъ говоритъ таково слово:

„Закажу я дѣтямъ и внучатамъ

„Ѣздить ко городу ко Кіеву!“

А Владимиръ князь да стольно-кіевскій

Заводилъ онъ тутъ да свой почестенъ пиръ:

А красное солнышко при вечера,

А почестенъ пиръ да весь при весели,

А Владимиръ князь да стольно-кіевскій

Жалуетъ сильныхъ, могучихъ богатырей:

Даваетъ города да съ пригородками

И даетъ золоту казну безсчетную!

Б Ы Л И Н А 6-я.

Три поѣздки и смерть Ильи.

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Не бѣлы то снѣжки забѣлѣлися,
Не туманушки затуманилися,
Не былинка въ полѣ зашаталася,
Зашатался въ полѣ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А забѣлѣлась у него головушка
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ нимъ его добрый конь.
А и ѣздилъ старъ по чисту полю,
А онъ отъ младости ѣздилъ до старости,
А онъ отъ старости да до гробовой доски.
Хорошъ былъ у стараго добрый конь,
А батюшко-бурушко косматенькій:
А хвостъ-то у бурушки трехъ сажень,
А грива у бурушки трехъ локоть,
А шерсть-то у бурушки трехъ пядей,

А онъ у рѣкѣ перевозу не спрашивалъ,
А конь рѣки, вѣдь, озера перескакивалъ,
Онъ эти мхи, болота промежъ ногъ пускалъ
И синія моря на околѣ скакалъ.

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю

И самъ себѣ старый дивуется:

„Ахъ ты, старость, ты старость, ты старая,

„А старая старость глубокая,

„А глубокая старость — триста годовъ!

„Застала ты, старая, во чистомъ полѣ,

„Во чистомъ полѣ застала чернымъ ворономъ,

„А сѣла ты на мою на буйную голову!

„А молодость, моя молодость молодецкая!

„Улетѣла ты, молодость, во чисто поле,

„А во чисто поле яснымъ соколомъ!“

И подѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,

Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкимъ.

На дороженькѣ лежитъ бѣль-горючъ камень,

На камешкѣ подпись подписана:

„По правой ѣхать — богатому быть,

„По лѣвой ѣхать — женатому быть,

„А прямо-то ѣхать — убитому быть“.

А и тутъ-то старый, раздумался,

Раздумался старый расплакался:

„А на что мнѣ-ка старому женату быть?

„А на что мнѣ-ка старому богату быть?

„Мнѣ женитьба не ко молодости,

„А богатство мнѣ не къ радости;

„Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убитому быть,

„А убитому быть, такъ не вѣку и жаль:

„При смерти головушка шатается!“

Ѣдетъ старикъ да по чисту полю;

Заѣхалъ ли старикъ во темны лѣса:

Что навстрѣчу старому злые встрѣчнички,

А дневные-ночные придорожнички,

Да что сорокъ ихъ четыре разбойничка.

Хотятъ они стараго убить, погубить,
Хотятъ его стараго ограбить!

Говоритъ Илья Муромецъ, Ивановичъ:

„А и гой есть вы, братцы станишники,

„А по-русскому — воры-разбойнички!

„Убить меня стараго вамъ не за что,

„А и взять у стараго нечего:

„Шубенка на мнѣ во пятьсотъ рублей,

„Кушачекъ, колпачекъ во тысячу,

„А чуденъ крестъ на груди въ три тысячи,

„По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ.

„А косматому бурушки и цѣны нѣтъ!

„И потому ему цѣны нѣтъ,

„За рѣку онъ броду не спрашивалъ,

„Онъ рѣки, озера перескакивалъ,

„Мхи-то болота промежъ ногъ пускалъ,

„Онъ широко раздолье перерыскивалъ

„Да отъ смерти меня стараго унашивалъ!“

Вотъ и тутъ ли разбойники разсмѣхнулись:

„Что сколько мы по бѣлу свѣту ни хаживали,

„Мы такого дурака не нахаживали!

„Будто что мы у стараго про что спрашивали.

„Что и самъ ли старый дуракъ правду рассказываетъ!

„Ахъ же ты, старъ-матеръ человѣкъ,

„А и много ты сталъ разговаривать!

„Принимайтесь-ка, ребяташки, за стараго!

Говоритъ Илья Муромецъ, Ивановичъ:

„Охъ вы, гой еси, камышнички,

„По-русски — воры-разбойнички!

„Дайте вы мнѣ старому исправиться:

„Будете старому и кланяться!“

Вынимаетъ старый свой тугій лукъ,

Натягиваетъ тетивку шелковую,

Накладываетъ онъ калену стрѣлу.

Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,

Стрѣляетъ онъ, старый, по сыру дубу.

А смѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сырѣ кряковистый дубъ,
Разбиваетъ дубъ во черенья ножевыя.
Станишники съ коней попадали,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ,
А и будто отъ сна пробуждаются,
А и всѣ они, станишники, бьютъ челомъ:

„Ой ты, гой еси, старъ-матеръ человѣкъ!
„Ты бери съ насъ золоту казну,
„Ты бери съ насъ цвѣтно платье,
„Ты бери нашихъ добрыхъ коней“,
Возговорить старъ-матеръ человѣкъ:

„Кабы мнѣ братъ вашу золоту казну,
„За мной бы рыли ямы глубокия!
„Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
„За мной бы были горы высокия!
„Кабы мнѣ братъ вашихъ добрыхъ коней,
„За мной бы гоняли табуны великіе!“

Назадъ-то старикъ ворочается:
Пріѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горячему,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:

„Ложно была подпись подписана:
„Я сѣздилъ въ дорожку, убить не бывалъ.
„Поѣду въ дорожку, гдѣ женату быть!“

Выѣзжалъ какъ онъ на тѣ на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые.
На тѣхъ на поляхъ чистыхъ,
На лугахъ на зеленыхъ,

Стоить какъ чудо-чудное, диво-дивное:
Городомъ назвать, такъ онъ малъ стоитъ,
А селомъ назвать, такъ онъ великъ стоитъ,
Стоять тутъ палаты бѣлокаменные.
Сходилъ-де старикъ со добра коня,
Поставливалъ онъ добра коня
Не прикована да не привязана.

Да пошелъ-де старъ во высокъ теремъ:

Да мосты тѣ подъ старымъ качаются,

Переводинки перегибаются,

Выходила *прекрасная* королевична,

Брала старика за бѣлы руки,

Уводила въ палаты бѣлокаменные,

Ставила столы она дубовые,

Наносила всѣ и ѣства сахарныя,

Поила, кормила стара до сыта.

Выходилъ старъ изъ-за стола изъ-за дубова,

Да и самъ говоритъ таково слово:

Ты ли, душечка, красная двушка,

„Да мнѣ на старость старику бы опочинуться!“

Да привела его во ложни во теплыя.

Да стоитъ старъ у кровати, головой качаетъ,

Головой качаетъ, приговариваетъ:

Да я сколько по святой Руси ѣзживалъ,

Та кова-де я чуда вѣкъ не видывалъ!

„Да вѣдь эта кроватка подложная!“

Да схватилъ королевну за бѣлы руки,

Бросалъ на ту кроватку тесовую.

Отворнулась кроватка тесовая,

Да увалилась королевна во глубокъ погребъ.

Выходилъ то старъ на широкой дворъ,

Отворяетъ погреба глубокие,

Выпускаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцевъ,

Да все сильныхъ могучихъ богатырей.

Едину оставилъ саму да во погребѣ во глубокомъ.

Возговоритъ старикъ таково слово:

„Ай же вы, люди добрые!

„Расходитесь вы по своимъ землямъ, по своимъ ордамъ,

„По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ!“

Назадъ-то старикъ ворочается:

Пріѣзжалъ онъ ко камешку ко горячему,

Старую подпись захѣривалъ,

Новую подпись подписывалъ:

„Ложно была подпись подписана:
„Я съѣздить въ дорожку женатъ не бывалъ;
„Поѣду въ ту дорожку, гдѣ богату быть!“
Ѣдетъ старикъ по чисту полю,
Заѣхалъ ли старъ во темны лѣса.
Стоить тутъ погребъ золотой казны:
Повыкатилъ казну да Илья Муромецъ,
Нанялъ хитромудрыхъ плотниковъ,
Построилъ онъ церковь соборную
Святителю Николѣ Можайскому
Во славномъ во городѣ во Кіевѣ.
Самъ заѣхалъ во пещеры во глубокія.
Тутъ Илья ужъ преставился,
Понинѣ его мощи нетлѣнныя! —
Да къ тому-то стиху и славу поють!

Добрыня Никитичъ.

Б Ы Л И Н А 1-я.

Рожденіе Добрыни и первый бой его со змѣемъ.

Какъ изъ далеча-далеча, изъ чиста поля,
Изъ того было раздольица широкаго,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы вѣтры поднималися,
Выбѣгало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное, звѣриное — змѣиное.
Напередъ-то выбѣгаетъ лютый Скименъ звѣрь;
Какъ на Скименѣ-то шерсточка булатная,
Напередъ-то его шерсточка спрокинулася.
Добѣгаетъ воръ-собака до быстрой рѣки,
Становился воръ-собака на задни лапы,
Закричалъ онъ, воръ-собака, по-звѣриному,
Засвисталъ онъ, воръ-собака, по-соловьему,
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по-змѣиному.
Отъ его было отъ крику отъ звѣринаго,
Что быстрая мать-рѣка взволновалася;
Отъ его было отъ свисту отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ клонилися;
Отъ его было шипѣнья отъ змѣинаго
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.
Какъ зачуялъ, воръ-собака, нарощеньице.
Народился на святой Руси на богатой

Молодой Добрыня сынъ Никитѣевичъ,
Да породила Добрыню родна матушка,
Да возрастила до полнаго до возраста.
Сталъ Добрыня на возрастъ,
Его буйная головушка на разумъ,
Сталъ молоденькій Добрынюшка Никитѣевичъ
На добромъ конѣ во чисто поле поѣзживать,
Сталъ онъ малыхъ змѣенышей потаптывать.
Добрынюшкѣ матушка говорила:
„Что, молодъ, началъ ѣздить во чисто поле,
„На тую гору Сорочинскую,
„Топтать-то малыхъ змѣенышей,
„Выручать-то полоновъ русскіихъ?
„Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
„Пучай-рѣка есть свирѣпая:
„Изъ-за первыя же струйки — какъ огонь сѣчетъ,
„Изъ-за другой же струйки — искры сыплются,
„Изъ-за третіей же струйки — дымъ столбомъ валить,
„Дымъ столбомъ валить, да самъ со пламенемъ!“
Добрынюшка матушки не слушался:
Скидываетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьице дорожное,
Налагалъ-то на головку шляпу земли греческой;
Ай беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
Ай беретъ-то вѣдь Добрыня калены стрѣлы,
Ай беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
Ай беретъ копье да долгомѣрное,
Ай беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня,
Осѣдлалъ бурка въ сѣдельшко черкасское:
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сѣдельшко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,

Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.

Подпруги были шелковыя,

Пряжки у сѣдла красна золота,

Шпенки у подпруговъ все булатныя;

Тутъ шелкъ не рвется, и булатъ не трется,

Красно золото не ржавѣетъ,

Молодецъ на конѣ сидитъ — не старѣетъ.

Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,

На тихихъ горахъ на высокіихъ,

Потопталъ молодыхъ змѣенышей,

Повыручилъ полоновъ русскіихъ,

Онъ приправилъ своего добра коня,

Добра коня ко Пучай-рѣкѣ.

Слѣзаетъ онъ съ добра коня,

Снимаетъ съ себя платье дорожнос,

Забрелъ за струечку за первую,

Забрелъ за струечку за среднюю,

И самъ говоритъ таково слово

„Мнѣ, Добрынюшкѣ, матушка говаривала,

„Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала:

„Что не ѣзди далече во чисто поле,

„На тую гору Сорочинскую,

„Не топчи ты младыхъ змѣенышей,

„Не выручай полоновъ русскіихъ,

„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;

„Пучай-рѣка есть свирѣпая:

„Изъ первыя же струйки — какъ огонь сѣчетъ,

„Изъ другой же струйки — и искры сыплются,

„Изъ-за третіей же струйки — дымъ столбомъ валитъ,

„Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенемъ;

„А Пучай-рѣка есть кротка-смирна,

„Она будто лужа дождевая“.

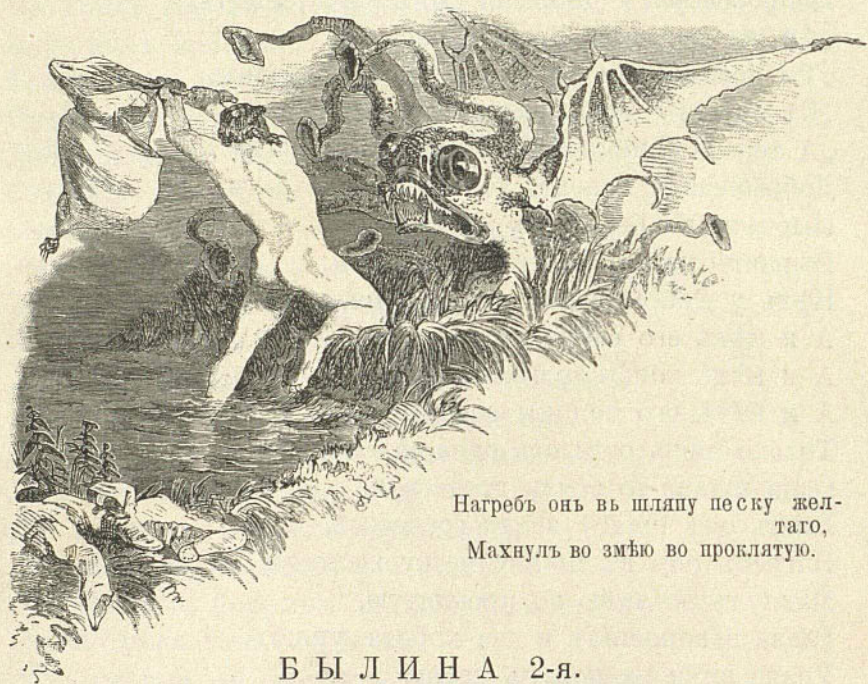
Какъ въ тую пору, въ то время

Вѣтра нѣтъ — тучу нанесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,

Дождя-то нѣтъ — искры сыплются,
Летить змѣище-Горынище,
О двѣнадцати змѣя да хоботахъ.
Налетѣла на Добрыню Никитича,
Сама говоритъ таково слово:
„Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ:
„Захочу — Добрыню теперь потоплю,
„Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
„Захочу — Добрыню съѣмъ-сожру!“
Испроговорить Добрыня сынъ Никитьевичъ:
„Ай же ты, змѣя, было проклятая,
„Ты поспѣла бы Добрынюшку да захватить,
„Въ ту пору Добрынюшкой похвастати,
„А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ!“
Добрынюшка плавать гораздъ, онъ, былъ:
Нырнетъ на бережокъ на тамошній,
Нырнетъ на бережокъ на здѣшній;
Нѣтъ у Добрынюшки добра коня,
А и нѣтъ его сабли вострая,
А и нѣтъ копья долгомѣрнаго,
А и нѣтъ его палицы военныя,
Только лишь осталась одна шляпонька,
Одна шляпа-то земли греческой.
Взялъ онъ шляпу земли греческой,
Нагребъ онъ въ шляпу песку желтаго,
Махнулъ во змѣю во проклятую,
Глаза заporошилъ и два хобота ушибъ,
Упала змѣя на ковыль траву.
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Вскочилъ на змѣины груди бѣлыя,
А змѣя Добрынѣ, ему, взмолился:
„Ахъ, ты ей, Добрынюшка Никитьевичъ,
„Мы положимъ заповѣдь великую:
„Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
„Не носить людей больше русскіихъ,
„Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ!

„А тебѣ не ѣздить далече во чисто поле
„На тыи горы Сорочинскія,
„Не топтать ти молодыхъ змѣеныхъ,
„Не выручать полоновъ русскіихъ!“
Положили они заповѣдь великую,
Тая змѣя, она проклятая,
Поднялась она вверхъ подѣ облако,
А Добрыня, сынъ Никитѣвичъ,
Онъ пошелъ во стольный Кіевъ-градъ

Нагрѣбъ онъ въ шляпу песку жел-
таго,
Махнулъ во змѣю во проклятую.

Б Ы Л И Н А 2-я.

Второй бой Добрыни со змѣемъ.— Освобожденіе княжны Забавы

А не темныя ли тѣмени затемнѣли,
А не черныя тутъ облаци попадали,
Летить по воздуху люта змѣя,
Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ-градъ.

Ходила тутъ Забава дочь Путятична,
Она съ мамками да съ няньками
Во зеленомъ саду гулятиться.
Подпадала тутъ змѣя было проклятая
Ко той матушкѣ да ко сырой землѣ,
Ухватила тутъ Забаву дочь Путятичну,
Во зеленомъ саду да ю гуляючи,
Во свои было во хоботы змѣиныя,
Унесла она въ пещерушку змѣиную.
Тутъ Солнышко-Владимиръ стольно-кіевскій
По три дня онъ билиць-волшебницъ скликивалъ:
Кто бы могъ съѣздить во чисто поле,
Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичну?
Какъ проговорить Алешенька Левонтьевичъ:
„Ай ты, Солнышко-Владимиръ стольно-кіевскій,
„Ты накинъ-ка эту службу на Добрынюшку,
„На молода Добрынюшку Никитъевича:
„У него-то со змѣей заповѣдь положена:
„А не ѣздить болѣ во чисто поле,
„На тьи горы Сорочинскія,
„Не топтать-то малыхъ змѣенышей,
„А змѣѣ не летать да на святую Русь,
„Не полонить ей да людей русскіихъ.
„Онъ достанетъ намъ Забаву дочь Путятичну,
„Безъ бою, безъ драки-кровапролитія“.
Какъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова, — Аѳимья Александровна:
„Ай же, ты, Добрынюшка Никитъевичъ,
„Что же, ты, Добрыня, закручинился?
„Али мѣсто тебѣ было не по чину,
„Али чарой на пиру тебя пообнесли,
„Дуракъ на пиру да насмѣялся-де?“
Испроговорить Добрыня родной матушкѣ:

„Мѣсто мнѣ было вѣдь по чину,
„Чарою меня да не пообнесли,
„А дуракъ-то на пиру не насмѣялся-де.
„Какъ Солнышко-Владимиръ стольно-кѣевскій
„Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую:
„Что съѣздить мнѣ далече во чисто поле,
„Сходить на тую гору Сорочинскую,
„Сходить во нору глубокую,
„Достать-де князеву племянницу,
„Молоду Забаву дочь Путятичну“.
Испроговорить Добрынюшкина матушка:
„Богу ты молись да спать ложись,
„Буде утро мудренѣе буде вечера,
„День у насъ же буде тамъ прибыточенъ.
„Ты пойдѣ-ка на конюшню на стоялую,
„Ты бери коня съ конюшенки стоялыя,
„Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
„А стоитъ бурка пятнадцать лѣтъ,
„По колѣнъ въ наземъ же ноги призарощены,
„Дверь по поясу въ наземъ зарощена“.
Приходилъ тутъ Добрыня, сынъ Никитѣевичъ,
А ко той ли ко конюшенкѣ стоялыя,
Повыдернулъ же дверь онъ вонъ изъ назему,
Конь же ноги изъ назему да вонъ выдергивалъ.
А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитѣевичъ,
Беретъ Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесьмяную,
Выводитъ изъ конюшенки стоялыя,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяными.
Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошихонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родная матушка,

На прощаньице ему плетку подала,
Подала тутъ плетку шемахинскую,
О семи шелковъ да было разныхъ,
Сама говорила таково слово:

„Когда будешь далече во чистомъ полѣ,
„На тихихъ горахъ Сорочинскихъ,
„А притопчешь-то всѣхъ младыхъ змѣенышей,
„Подточать у бурки они да щеточки,
„Такъ возьми ты плеточку шелковую,
„Бей бурушку промежду ушей;
„Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
„А змѣенышей отъ ногъ онъ да отряхивать,
„Притопчетъ всѣхъ да до одинаго“.

Тутъ простилася да воротилася.

Видли тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи,
Не дорожкой поѣхалъ, не воротами,
Черезъ ту стѣну поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную.

Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю;
Да онъ въ день ѣхалъ по красну по солнышку,
То онъ въ ночь ѣхалъ по свѣтлomu по мѣсяцу.

Онъ подѣхалъ къ горамъ да Сорочинскимъ,
Да сталъ ѣздить по раздольицу чисту полю,
Сталъ онъ малыхъ змѣенышей потаптывать.

Онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Притопталъ да много-множество змѣенышей,
Подточили-то змѣи коню подѣ щеточки,—

И услышалъ молодой Добрынюшка,

Его добрый конь да богатырскій

А сталъ на ноги да конь припадывать;

То молоденькій Добрынюшка Никитьевичъ

Беретъ плеточку шелкову во бѣлы руки,

То онъ билъ коня да-й богатырскаго,

Первый разъ его ударилъ промежду ушей,

Его добрый конь да богатырскій

По чисту полю онъ сталъ помахивать,
По колѣна сталъ въ земелюшку погрязывать,
Изъ земелюшки сталъ ножки онъ выхватывать,
По сѣнной копнѣ земельки онъ вывертывать,
За три выстрѣла онъ камешки откидывать;
Онъ скакалъ да по чисту полю помахивалъ,
Онъ змѣенышей отъ ногъ своихъ отряхивалъ,
Потопталъ всѣхъ малыхъ змѣенышей,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единого.
Какъ изъ норы да изъ глубокиа
Выходило змѣище Горынище,
Выходила змѣя да та проклятая,
Сама говоритъ да таково слово:
„Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
„Чтобы не ѣздить тебѣ во чисто поле,
„На тую гору Сорочинскую,
„Не топтать ти малыхъ змѣенышей,
„Моихъ же роженныхъ малыхъ дѣтушекъ!“
Испроговорить Добрыня сынъ Никитьевичъ:
„Ай же ты, змѣя, да ты проклятая,
„Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ-градъ,
„Зачѣмъ ты взяла у насъ княжеву племянницу,
„Молоду Забаву дочь Путятичну?
„Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну
„Безъ бою, безъ драки-кроволитія!“
Не отдавала она безъ бою, безъ драки-кроволитія,
Заводила она бой-драку великую,
Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіе;
Бился тутъ Добрыня со змѣей трои сутки,
А не можетъ онъ побить змѣю проклятую;
Наконецъ, хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати,
Изъ небесъ да тутъ Добрынюшкѣ да гласъ гла-
силь:
„Ахъ ты, молодой Добрыня сынъ Никитьевичъ,
„Бился со змѣей ты да трои сутки,
„А побейся-ка съ змѣей да еще три часа!“

Тутъ побился онъ, Добрыня, еще три часа,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.

Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ до запада;
А не прижре матушка да тутъ сыра-земля
Этой крови да змѣиныя.

А стоитъ же тутъ Добрыня во крови трои
сутки,

На конѣ сидитъ Добрыня, приужахнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати,
Изъ небесъ Добрынѣ снова гласъ гласить:

„Ай ты, молодой Добрыня сынъ Никитѣевичъ,

„Бей-ка ты копьемъ да бурзameцкимъ

„Да во ту же матушку сыру-землю,

„Самъ къ землѣ да приговаривай:

Разступись-ка ты же, матушка сыра-земля!

„Ты прижри-ка эту кровь да всю змѣиную!“

Сталъ же бить да во сыру землю,

Самъ къ землѣ да приговаривать.

Разступилась было матушка сыра-земля

На всѣ на четыре да на стороны,

Прижрала да кровь въ себя змѣиную.

Опускается Добрынюшка съ добра коня,

Сошелъ во нору во глубокую;

Тамъ много князей, бояровъ,

И много русскіихъ могучіихъ богатырей,

А мелкой силы и смѣты нѣтъ.

Испроговорилъ Добрыня сынъ Никитѣевичъ:

„Теперь вамъ да воля-вольная!“

А выводитъ Забаву дочь Путятичну

А изъ той было пещерушки змѣиныя,

Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ.

А садился тутъ Добрыня на добра коня,

Бралъ же онъ Забаву дочь Путятичну,

А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.

Испроговоритъ Забава дочь Путятична:

„За твою было великую за выслугу
„Назвала бы я тебя нынѣ батюшкой,
„Да назвать тебя, Добрыня, нынче не можно!
„За твою было великую за выслугу
„Я бы назвала нынѣ братцемъ да родимымъ,
„А назвать тебя, Добрыня, нынче не можно!
„За твою было великую за выслугу
„Я бы назвала нынѣ другомъ да любимымъ,
„Въ насъ же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!“
Говорить же тутъ Добрыня сынъ Никитъевичъ:
„Ахъ ты, молода Забава дочь Путятична,
„Вы есте роду княженецкаго,
„Насъ нельзя назвать же другомъ да любимымъ!“
Да-й поѣхалъ-то Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Онъ пріѣхалъ къ князю на широкій дворъ,
Да-й сходилъ Добрыня со добра коня,
Опускаетъ онъ Забавушку Путятичну,
Да повелъ въ палаты бѣлокаменны,
Да онъ подалъ князю ю Владимиру
Во его во бѣлыя во ручушки.
А тутъ этой старинушкѣ славу поють.

Б Ы Л И Н А 3-я.

Бой Добрыни съ удалой поля- ницей и женитьба его.

 поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю,
А наѣхалъ во чистомъ полѣ да ископытъ,
Ископытъ да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
И поѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитъевичъ
Той же ископытью лошадиною.
Наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ:
А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскихъ.
Говорить Добрыня сынъ Никитъевичъ:

А выводить Забаву дочь Путятичну
А изъ той было пещерушки змѣинья.

„То вѣдь не богатырь на добромъ конѣ,
„То же поляница знать удалая,
„А кака ни тутъ дѣвица либо женщина.“
И поѣхалъ тутъ Добрыня на богатыря,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поляницу въ буйну голову;
А сидитъ же поляница не сворохнется,
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На конѣ сидитъ Добрыня—пріужахнется.
Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря,
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
„Видно смѣлость у Добрынюшки по-старому,
„Видно сила у Добрыни не попрержнему!“
А стоитъ же во чистомъ полѣ да сырой дубъ,
Да въ обнемъ же онъ стоитъ да человѣческій.
Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сырой дубъ,
А попробовать да силы богатырскія.
Какъ ударилъ тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
Онъ расшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На конѣ сидитъ Добрыня,—пріужахнется:
„Видно силы у Добрынюшки по-старому,
„Видно смѣлость у Добрыни не попрержнему!“
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитѣвичъ,
На своемъ же тутъ Добрыня на добромъ конѣ
А на ту же поляницу на удалую;
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поляницу въ буйну голову;
На конѣ сидитъ же паляница не сворохнется,
И назадъ же поляница не оглянется,
На конѣ сидитъ Добрыня—пріужахнется.
Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря,
А отъ той же поляницы отъ удалыя.
„Смѣлость у Добрынюшки попрержнему,
Видно сила у Добрыни не по-старому.“
А стоитъ тутъ во чистомъ полѣ да сырой дубъ,
Онъ стоитъ да въ два обнема человѣческихъ.

Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А расшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На конѣ сидить Добрыня — приужахнется:
„Видно сила у Добрынюшки по-старому,
„Видно смѣлость у Добрыни не попрержнему!“
А наѣхалъ тутъ Добрыня да во третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поляницу въ буйну голову;
На конѣ сидить же поляница, сворохнулася,
И назадъ же поляница оглянулася.
Говорить же поляница да удалая:
„Думала же русскіе комарики покусывають,
„Ажно русскіе богатыри пощелкивають!“
Ухватила тутъ Добрыню за желты кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой,
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаный.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ по чисту полю,
Испровѣщается да ейный добрый конь:
„Ай же ты, хозяйюшка любимая,
„Молода Настасья дочь Никулична!
„Не могу везти да двухъ богатырей:
„Силою богатырь супротивъ тебя,
„Смѣлостью богатырь да вдвоемъ тебя!“
Молода Настасья дочь Никулична
Сдымала тутъ богатыря съ мѣшка, да вонъ изъ кожанца
Сама ко богатырю да испроговорить:
„Если старъ богатырь — я голову срублю,
„Если младъ богатырь — я въ полонъ возьму,
„Если ровня богатырь — я замужъ пойду“.
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича.
„Здравствуй, душенька Добрыня сынъ Никитьевичъ!“
Испроговорить Добрыня сынъ Никитьевичъ:

„Ахъ ты, поляница да удалая,
„Что же ты меня да нынче знаешь ли,
„Я тебя да нынче не знаю ли?“
„А бывала я во городъ во Кіевѣ,
„Я видала ты, Добрынюшку Никитича;
„А тебе же меня нынче негдѣ знать.
„А поѣхала въ чисто поле поляковать,
„А искать же я себѣ-ка супротивничка.
„Возьмешь ли, Добрыня, во замужество?
„Я спущу тебя Добрынюшку во живности.
„Сдѣлай со мной заповѣдь великую,
„А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
„На ладонь кладу, другой сверху прижму,
„Сдѣлаю тебя да въ овсяный блинъ!“
— „Ахъ ты, молода Настасья дочь Никулична!
„Ты спусти меня во живности,
„Сдѣлаю я заповѣдь великую,
„Я приму съ тобой, Настасья, по злату вѣнцу!“
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимиру,
Ко своей было ко родителю ко матушкѣ,
А къ честной вдовѣ Аѳимѣ Александровнѣ.
Приняли они да по злату вѣнцу.
Тутъ за три дня было пированье
Про молода Добрыню про Никитича.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ —
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Б Ы Л И Н А 4-я

Отъѣздъ Добрыни.—Жена выходитъ за Алешу.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А у ласковаго князя у Владимира,

Какъ ударить тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А расшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.

Заводился у князя почестенъ пиръ,
А на многи на князи, на бояры,
На русскіихъ могучіихъ богатырей,
А на всѣ поляницы удалыя;
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Богатырь хвастаетъ силушкой великою,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорить Владимиръ стольно-кіевскій:
„Красно-солнышко на вечерѣ,
„Хорошъ честенъ пиръ идетъ на веселѣ,
„И всѣ молодцы порасхвастались.
„А мнѣ, князю Владимиру, чѣмъ будетъ похвастати?
„Есть ли въ Кіевѣ таковъ челоуѣкъ
„Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
„А кто сослужилъ бы службу дальнюю,
„А и дальнюю службу — заочную?
„Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
„И очистилъ дороги прямоѣзжія
„До моего тестя любимаго,
„До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича:
„Вырубилъ чудь бѣлоглазую,
„Прекратилъ сорочину долгополую,
„А и тѣхъ черкесъ пятигорскіихъ,
„И тѣхъ калмыковъ съ татарами,
„Чукчи всѣ да и алюторы?“
Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
Пріутихнули, да пріумолкнули,
Пріумолкнули всѣ — затулялися.
Какъ большій туляется (хоронится) за средняго,
Какъ средній туляется за меньшаго,
Какъ отъ меньшаго — отъ бѣднаго отвѣту нѣтъ!
А изъ-за того стола изъ-за дубоваго

Выходилъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Никитъевичъ,
Говорить вѣдь онъ да таковы слова:

„Ужъ ты, солнышко, князь стольно-кѣвскій,
„Я сослужу службу дальнюю,
„А и дальнюю службу — заочную:
„Съѣзжу я въ орды немирныя,
„Очищу дороги прямоѣзжія
„До твоего тестя любимаго,
„Да грозна короля Этмануйла Этмануйловича.
„А и вырублю чудь бѣлоглазую,
„Прекращу сорочину долгополую,
„А и тѣхъ черкесъ пятигорскіихъ,
„А и тѣхъ калмыковъ съ татарами,
„Чукчи всѣ да и алюторы!“

Въ тѣ поры Володимиръ-князь
Приказалъ наливать чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра,
Подавалъ Добрынѣ Никитичу;
Принимаетъ Добрыня единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ,
И пошелъ онъ, Добрыня младъ,
Съ княженецкаго двора ко своей государынѣ ко ма-
тушкѣ.

Говорить Добрынюшка Никитъевичъ
Своей государынѣ, родной матушкѣ;
„Свѣтъ ты, государыня, родна моя матушка!
„Ты честна вдова Аѳимья Александровна,
„Ты несчастнаго породила Добрынюшку!
„Лучше бѣ ты породила Добрынюшку
„Бѣлымъ камешкомъ горючимъ!
„Ты востала на Скать-гору высокую,
„Ты бы бросила въ Океанъ-море глубокое,
„Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
„Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости!
„Нѣтъ — такъ бы Добрынюшку породила

„На горѣ Сорочинской деревинкою,
„Не для красы, не для угожества,
„А для ради приѣзда богатырскаго:
„Къ этому бы ко деревцу
„Съѣзжались русскіе могучіе богатыри,
„И стояла бы та деревиночка вѣкъ по вѣку,
„Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости!
„Аще нѣтъ, такъ Добрынюшку породила
„Во славной во матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ,
„Во Нѣпрѣ-рѣкѣ да гоголинкою:
„Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
„Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости!
„Я не ѣдилъ бы, Добрыня, по чисту полю,
„Я не убивалъ, Добрыня, неповинныхъ душъ,
„Не пролилъ бы крови я напрасныя,
„Не слезилъ бы, Добрыня, отцовъ, матерей,
„Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,
„Не пускалъ сиротатъ малыхъ дѣтушекъ!“
Отвѣтъ держитъ государыня, его матушка:
„Я бы рада тебя, дитятко, породити
„Таланомъ-участію — въ Илью Муромца,
„Силой — въ Святогора-богатыря,
„Смѣлостью — въ смѣлаго Алешу во Поповича,
„Красотою бы я — въ Осипа Прекраснаго,
„Богатствомъ — въ Садку Новгородскаго,
„Я походкою бы, тебя, шепеливою —
„Во того ли во Чурилу во Пленковича!
„Я бы вѣжествомъ — въ Добрынюшку Никитича,
„Сколько ты статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
„Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ!“
Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается,
Стоитъ Добрынюшка и покланяется:
„Свѣтъ ты, государыня, родна моя матушка!
„Честная вдова Аѳимья Александровна,
„Дай-ка мнѣ прощеньице съ благословеньицемъ

„Ты навѣки нерушимое:

„Мнѣ-ка ѣхать далече-далече, во чисто поле!“

И дала ему прощеньице съ благословеньемъ
Навѣки нерушимое.

Скоро-наскоро Добрыня, онъ, коня сѣдлалъ,

Провожала Добрыню родна матушка.

Садился тутъ Добрыня на добра коня,

Хочетъ ѣхать Добрыня съ широка двора;

Говорить его родитель-матушка,

А честна вдова Аѳимья Александровна:

„Чадо, ты, мое милое,

„Чаделко мое любимое,

„Молодой Добрынюшка Никитьевичъ!

„Скажи ты мнѣ-ка, попровѣдай-ка,

„Скоро ли ты назадъ будешь?

„Скоро ли ты поворотъ держишь?

„Скоро ли ждать намъ велишь, когда ожидать,

„И когда велишь въ окошечко посматривать?“

Отвѣтъ держать Добрынюшка Никитьевичъ:

„А честная ты вдова, Аѳимья Александровна,

„Родная моя матушка!

„Буде живъ буду — назадъ буду,

„Буде живъ не буду — и ждать некого!“

Приходить честна вдова Аѳимья Александровна

Во высокъ теремъ, златой верехъ,

Сама говорить да таково слово:

„Ай же ты, богоданное мое дитятко,

„Молода Настасья дочь Никулична!

„Ты чего сидишь во теремѣ, во златомъ верху,

„Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?

„Закатается-то наше красное солнышко

„За эти за лѣсушки за темные,

„И за тыя за горы за высокія,

„Съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора!

„Поди-ка ты скоренько на широкій дворъ,

„Зайди-ка ты къ Добрынѣ съ бѣла личика,

„Подойди къ нему къ правому ко стремячку къ булатному,

„Говори-ка ты Добрынѣ не съ упадкой:

„Скоро ли ты назадъ будешь?

„Скоро ли ты поворотъ удержишь?

„Скоро ль ждать намъ велишь, когда ожидать,

„И когда велишь въ окошечко посматривать?“

Молода Настасьюшка Никулична

Скорешенько бѣжала на широкой дворъ

Въ одной тонкой рубашечкѣ, безъ пояса,

Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ, безъ чоботовъ;

Зашла она Добрынюшкѣ съ бѣла личика,

Подошла къ его ко правому ко стремячку булатному,

Говорила-то ему да не съ упадкой:

„Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка,

„Молодой Добрынюшка Никитиевичъ!

„Ты скоро ли назадъ будешь?

„Ты скоро ли поворотъ удержишь?

„Скоро ли ждать намъ велишь, когда ожидать,

„Ты когда велишь въ окошечко посматривать?“

Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиевичъ:

„Буде живъ буду — назадъ буду,

„Буде живъ не буду — и ждать некого!

„Дожидай Добрынюшку по три года,

„Если въ три года не буду — жди друго три,

„А какъ исполнится времени шесть годовъ,

„Да не буду я домой изъ чиста поля,

„Поминай меня, Добрынюшку, убитого.

„А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля-вольная:

„Хоть вдовой живи, хоть замужъ пойди;

„Хоть за князя пойди, хоть за боярина,

„Хоть за русскаго могучаго богатыря,

„А только не ходи за моего брата за названнаго,

„За смѣлаго за Алешу за Поповича,

„За бабьяго пересмѣшника!“

Какъ видали добра молодца да сядучи,

Не видали добра молодца поѣдучи,

Только далече-далече во чистомъ полѣ
Поднималася погода непомѣрная,
Ай отъ ископыти да лошадиныя!..
А и ѣздитъ Добрыня въ тѣхъ немирныхъ ордахъ,
Рубить чудь бѣлоглазую;
И тою сорочину долгополую,
А и тѣхъ черкесъ пятигорскихъ,
А и тѣхъ калмыкъ со татарами,
И чукчи всѣ и алыторы..
И ужъ какъ ждала Настасья перво три года:
Какъ день за днемъ — будто дождь дождить,
А недѣля за недѣлей — что трава растеть,
А годъ за годомъ — что рѣка бѣжить,
Прошло тому времени да три года;
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
Стала сожидать его другое три:
Опять день за днемъ — будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей — какъ трава растеть,
А годъ за годомъ — какъ рѣка бѣжить,
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ;
Не бывалъ Добрыня со чиста поля.
Въ тую пору, въ тое времячко,
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну:
„Какъ на далече-далече на чистомъ полѣ
„Ай лежитъ Добрыня на сырой землѣ!
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые
„Прорастала тутъ трава муравая,
„На травѣ расцвѣли цвѣточки лазоревые!“
Тогда государыня, родна его матушка,
Жалешенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое.
Сталъ солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,

Настасью Никуличну посватывать.

„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,

„Молодой вѣкъ свой коротати?

„Пойди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,

„Хоть за русскаго могучаго богатыря,

„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича!“

Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:

„Я исполнила заповѣдь мужнюю,

„Я ждала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ,

„Не бываль Добрыня со чиста поля!

„Я исполню заповѣдь свою женскую:

„Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ,

„Такъ исполнится времени двѣнадцать лѣтъ,

„Да успѣю я въ ту пору замужъ пойти!“

Опять день за днемъ — будто дождь дождить,

А недѣля за недѣлей — какъ трава растеть,

А и годъ за годомъ — какъ рѣка бѣжитъ,

Прошло тому времени друго шесть годовъ,

Исполнилось вѣрныхъ двѣнадцать лѣтъ.

Сталъ солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,

Настасью Никуличну посватывать,

Посватывать — подговаривать:

„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,

„Молодой свой вѣкъ коротати?

„Пойди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,

„Хоть за русскаго могучаго богатыря,

„А хоть за смѣлаго Алешу за Поповича!“

Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,

Ни за русскаго могучаго богатыря,

А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича;

Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

Порасплачется порастужится

Честна вдова Аѳимья Александровна:

„Закатился свѣтелъ мѣсяцъ

„За горушки за высокія, за лѣса за темные,
„Ушла у меня Настасья Никулична!“
(Сѣсть было подъ окошечко,
Отворить было окошечко немножечко,
Поглядѣть было широкій дворъ,
На широкій дворъ, на чисто поле!)
Во далече-далече во чистомъ полѣ
Спитъ Добрыня во бѣломъ шатрѣ;
Стоитъ добрый конь у бѣла шатра,
Онъ копытомъ бьетъ о сыру землю;
Подъ шатромъ земля сколыбалася,
На рѣкѣ вода зазыбалася:
Вскочилъ Добрыня на рѣзвы ноги
Отъ крѣпкаго сна богатырскаго,
Говоритъ Добрынюшка Никитѣвичъ:
„Ай же, добрый конь богатырскій,
„Не во-время будишь русскаго богатыря!“
Испровѣщется ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
„Ой, ты гой еси, добрый молодецъ,
„Молодой Добрыня сынъ Никитѣвичъ!
„Ты спишь да прохлаждаешься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь!
„Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
„За смѣлаго Алешу за Поповича.
„Пиръ у нихъ идетъ по третій день,
„Сегодня имъ итти ко Божіей церкви,
„Принимать съ Алешей по злату вѣнцу“.
Палъ Добрыня коню во рѣзвы ноги,
Во правую, во переднюю:
„Ой, ты гой еси, конь, добра лошадь!
„Представь домой черезъ три часа,
„Черезъ три часа со минутою“.
Тутъ возговоритъ конь, добра лошадь:
„Ужъ ты гой еси, добрый молодецъ,
„Накладывай сѣделышко черкасское,

„Подтягивай подпруженьки шелковые,
„Подвязывай стремяничка серебряныя,
„Самъ ты вяжись крѣпко-на-крѣпко!“
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летить,
Добрый молодецъ въ перегонъ гонить,
Его добрый конь, да богатырскій,
По чисту полю онъ сталъ помахивать,
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широко раздолье между ногъ пускать.
Изъ далеча-далеча, изъ чиста поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошѣ, по бѣлу снѣжку,
Не бѣлъ заюшка ли онъ поскакивалъ,
Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалой добрый молодецъ,
Прямо онъ ѣдетъ на вдовиный дворъ,
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Во палаты идетъ бездокладочно,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Смѣло приходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Пречестной вдовѣ да онъ въ особину.
„Ты здравствуешь, честна вдова Аѳимья Алексан-
дровна“.

Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
„Пречестна вдова, Аѳимья Александровна,
„Какъ этотъ удалой добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
„Насъ не спрашивалъ у воротъ, приворотниковъ,
„У дверей насъ не спрашивалъ, придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ“.
Испроговорить имъ честна здова:

„Ахъ, ты гой, удалой добрый молодецъ,
„Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
„Во палаты идешь бездокладочно?
„Кабы было живо мое чадо милое,
„Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ,
„Не дошло бы тебѣ насмѣхаться
„Надъ моимъ дворомъ, надъ вдовинымъ!„
Говоритъ Добрыня сынъ Никитѣвичъ:

„Не напрасно ли вы согрѣшаете?
„А я вчерась съ Добрыней поразѣхался,
„Добрыня поѣхалъ къ Царю-граду,
„Меня послалъ ко стольному Кіеву.
„Поклонъ послалъ Добрынюшка Никитѣвичъ“.
Отвѣчаетъ, слезно плачетъ

Честна вдова Аѳимья Александровна:

„Почему же ты знаешь моего родимаго дитятка?
„Мое дитятко лежитъ да во чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана!“

Говоритъ Добрыня, сынъ Никитѣвичъ:

„Ай же ты, родимая моя матушка,
Какъ видно ты меня не узнала?
Не узнала меня во бѣло лицо?“

— „Ой, ты гой еси, добрый молодецъ,

„Мое чадо было не тако!

„Его личико было бѣлое,

„Платьице на немъ было цвѣтное,

„Сапожки на ножкахъ сафьяные,

„Шляпа была пуховая!“

Какъ возговоритъ Добрынюшка Никитѣвичъ:

„Ай же ты, родимая моя матушка,

„Во тии пути богатырскія

„Бѣло личико да вѣдь вѣтрами завѣяло,

„А и красоту во мнѣ красно солнышко зажарило,

„Сапожки о стремя вытерло,

„А и цвѣтное платье дождями повыбило,

„А и пухову шляпу о сучьи повырвало!“

— „На моемъ чадѣ была примѣточка:

„На лѣвой ногѣ была родинка!“

Онъ скинулъ тутъ скоро сафьянъ сапогъ,

Показывалъ ей свою примѣточку.

Матушка тутъ его узнала.

Какъ возговорить Добрыня Никитѣвичъ:

„Ой, ты гой еси, родна матушка,

Еще гдѣ моя молода жена?“

— „Ой, ты гой еси, родно дитятко,

„Молодой Добрыня сынъ Никитѣвичъ!

„Молода жена твоя замужъ пошла

„За смѣлаго Алешу Поповича;

„А и сватомъ былъ Владимиръ-князь,

„А княгиня Апраксія — свахою;

„А и пиръ идетъ у нихъ третій день,

„Сегодня имъ идти ко Божьей церкви,

„Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

„А и въ тую было пору, въ тыи шесть лѣтъ,

„Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,

„Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,

„Что жива нѣтъ Добрыни Никитича:

„Убить лежитъ во чистомъ полѣ,

„Буйна голова испроломлена,

„Могучи плечи испрострѣлены,

„Сквозь его сквозь кудри сквозь желтые

„Проросла трава муравая,

„На травѣ расцвѣли цвѣточки лазоревые!

„Я жалешенько по немъ плакала!“

Говоритъ Добрыня сынъ Никитѣвичъ:

„Еще гдѣ мое платье скоморошное

„И гусельки мои яровчаты?

„Я пойду къ Алешѣ на почестенъ пиръ“.

Принесла она платье скоморошное

И гусельки ему яровчаты.

Накрутился молодецъ скоморошиной,

Клалъ гусельки подъ праву полу

И пошелъ на хорошъ почестенъ пиръ.
Идетъ на княженецкій дворъ безобсылочно,
Во палаты идетъ бездокладочно,
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Смѣло проходитъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Солнышку Владимиру въ особину;
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуй, солнышко, Владимиръ стольно-кіевскій
„Со своей княгиней со Апраксіей!“
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
„Солнышко, Владимиръ стольно-кіевскій,
„Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
„А теперь идетъ скоморошиной;
„Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„Онъ не спрашивалъ у дверей придверниковъ,
„Скоро проходилъ въ палаты княженецкія!“
— „Ахъ, ты ей, удалая скоморошина,
„Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ?
„На княженецкій дворъ идешь безобсылочно,
„Во палаты идешь бездокладочно?“
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется.
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошеское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Что ваше мѣсто скоморошеское
„На той на печкѣ на муравленой,
„На муравленой печкѣ, на запечкѣ!“
Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрезгивалъ,
А вскочилъ на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыи струночки золоченыя,
Началъ по струночкамъ похаживать,

Началъ онъ голосомъ поваживать:
А играетъ-то онъ отъ Царя-града,
А наигрышекъ беретъ да все изъ Кіева.
А отъ стараго всѣхъ да до малаго
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Всѣ за столомъ да призадумались,
Всѣ же тутъ игры да прислушались,
Сами говорятъ да таково слово:
„А не быть то удалой скоморошинѣ,
„Быть же то дородну добру молодцу,
„Святорусскому могучему богатырю!“
Говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ахъ, ты ей, удалая скоморошина,
„Опускайся изъ печки изъ запечки,
„Садись - ка съ нами за дубовый столъ хлѣба ку-
шати,
„Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушити
„За твою игру за веселую
„Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
„Первое мѣсто — сядь подлѣ меня,
„Другое мѣсто — супротивъ меня,
„А третье мѣсто—куда самъ захощь,
„Куда самъ захощь, еще пожелаешь!“
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина на скамеечку,
Супротивъ княжны порученія.
А и солнышко Владимиръ стольно-кіевскій
Наливаетъ ему чару зелена вина,
А другую чару-то подноситъ братецъ-то названный,
Молодой князь Алешенька Левонтьевичъ,
Еще третью чару наливаетъ молода жена,
Молода Настасья-то Никулична,
„Пей-ка ты же отъ меня чару зелена вина,
„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
„А Добрыня сынъ Никитъевичъ!“

И бралъ-то онъ какъ чару единой рукой,
Выпивалъ ту чару единымъ духомъ.

Говорить удаля скоморошина:

„Что солнышко, Владимиръ стольно-кѣвскій,

„Благослови мнѣ налить чару зелена вина,

„Поднести эту чару кому я знаю,

„Кому я знаю, еще пожалую!“

Какъ онъ налилъ чару зелена вина,

Подносить княжнѣ порученія;

Сымалъ перстень со правой руки

И спускалъ перстень во чарочку во винную,

Самъ говорить таково слово:

„Ай же ты, Настасья дочь Никулична!

„Выпей чарочку зелена вина.

„Буде пьешь до дна, такъ выдаешь добра,

„А не пьешь до дна, не выдаешь добра!“

Она чару повыпила,

До дна чарочку повысушила;

Прикатился перстень ко устамъ ко сахарнымъ,

А схватила перстень правой рукой.

Надѣвала перстень на праву руку,

Закричала зычнымъ голосомъ:

„Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,

„А тотъ мой мужъ, который противъ меня,

„Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,

„Подноситъ мнѣ чару зелена вина!“

Сама выскочить изъ-за стола изъ-за дубоваго,

Упала Добрынѣ во рѣзвы ноги.

„Милая моя ладушка,

„Крѣпкая сдержавушка, стѣна городова!

„Прости, прости, Добрынюшка Никитьевичъ.

„Во той винѣ прости меня, во глупости,

„Что не по твоему наказу де я сдѣлала,

„Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла!“

Говорить Добрыня сынъ Никитьевичъ:

„Что не дивую я разуму-то женскому.

„Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
„Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
„Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ!
„А дивую я князю Владимиру
„Съ молодой княгиней со Апраксией:
„Солнышко Владимиръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
„А княгиня Апраксія свахою!
„Они у живого мужа жену просватали!“
Тутъ солнышку Владимиру къ стыду пришло.
А говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
„Прости, прости, братецъ мой названный,
„Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличны!“
— „Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ простить!
„А въ другой винѣ, братецъ, тебѣ не прощу:
„Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть
лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку не радостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
„Убить лежитъ во чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Сквозь его кудри сквозь желтые
„Проросла трава муравая,
„На травѣ расцвѣли цвѣточки лазоревые!
„Тогда государыня родна матушка
„Жалешенько по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
„Скорбила свое лицо бѣлое!
„Съ этой вины тебѣ не прощу!“
Схватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ
И хочетъ переправить второй онъ разъ.
Какъ вскочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Схватилъ его за плечи за могучія за молодецкія:

„Ай, же ты, Добрынюшка Никитьевичъ,
„Не убей ты смертью напрасною
„Меньшого братца Алешу Поповича!“
Всякій, братцы на вѣку женится,
Да не всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ да женитьбы да Алешкиной!
Только Алешка женатъ бывалъ,
Женатъ бывалъ, съ женой живалъ.
А Добрыня сынъ Никитьевичъ
Взялъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарныя
И повелъ ее во высокъ теремъ,
Къ государынѣ родной матушкѣ.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,—
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

Чурило Пленковичъ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владимира
Било пированье — почестенъ пиръ,
Было столованье — почестенъ столъ
На многія князи да на бояра,
На всѣ поляницы удалыя.
Будетъ день въ половинѣ дня,
А и будетъ столъ во полустолѣ;
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко переное,
Зрѣлъ, смотрѣлъ во чисто поле,
Ко матушкѣ ко Сорогѣ рѣкѣ.
Изъ далеча-далеча поля чистаго,
Какъ отъ матушки отъ Сороги рѣки,
Толпа мужиковъ появилась:
Идетъ съ поля толпа сто молодцевъ,
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками буйны головы завязаны.
Идутъ мужики да все кіевляне,
Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:

„Солнышко ты наше, Владимиръ князь!

„Дай, государь, свой праведный судъ,

„Дай на Чурилу сына Пленковича!

„Сегодня у насъ на Сорогѣ рѣкѣ

„Невѣдомые люди появились,

„Шелковы невода заметывали:

„Тетивочки были семи шелковъ,

„Плутивца у сѣточекъ серебряныхъ,

„Камешки позолоченные.

„Рыбу сорогу повыловили,

„И мелкую рыбу повывадили,

„И насъ избиили, изранили.

„Намъ, государь-свѣтъ, лову нѣтъ,

„Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,

„Намъ отъ тебя нѣту жалованья.

„Скажутся — называются

„Всѣ они дружиною Чуриловою!“

А и та толпа со двора не сошла,

Новая изъ поля появилась:

Идетъ толпа двѣсти молодцевъ,

Всѣ они избиты, изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,

Кушаками буйны головы завязаны.

Идутъ мужики да все кіевляне,

Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:

„Солнышко ты наше, Владимиръ князь!

„Дай, государь, свой праведный судъ,

„Дай на Чурилу сына Пленковича!

„Сегодня на тихихъ на заводяхъ

„Невѣдомые люди появились,

„Гуся да лебедя повыстрѣлили,

„Сърую пернату малу утицу,

„И насъ избиили, изранили.

„Намъ, государь-свѣтъ, лову нѣтъ,

„Тебѣ, государь-свѣтъ, приносу нѣтъ,

„Намъ отъ тебя нѣту жалованья.

„Скажутся — называются

„Всѣ они дружиною Чуриловою!“

А и та толпа со двора не сошла,

Новая изъ поля появилась:

Идетъ толпа триста молодцевъ,

Всѣ они избиты, изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,

Кушаками буйны головы завязаны.

Идутъ мужики да все кіевляне,

Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:

„Солнышко ты наше, Владимиръ князь!

„Дай, государь, свой праведный судъ,

„Дай на Чурилу сына Пленковича!

„Сегодня у насъ на Сорогѣ рѣкѣ

„Невѣдомые люди появились:

„Шелковые тенета замечывали,

„Кунокъ да лисокъ повыловили,

„Черного сибирскаго соболя,

„Туры, олени повыстрѣлили,

„И насъ избили, изранили.

„Намъ, государь-свѣтъ, лову нѣтъ,

„Тебѣ, государь-свѣтъ, добычи нѣтъ,

„Намъ отъ тебя нѣту жалованья.

„Скажутся — называются

„Всѣ они дружиною Чуриловою!“

Говорить тутъ солнышко Владимиръ князь:

„На кого мнѣ-ка дать вамъ да правый судъ?

„Не знаю я Чуриловой вотчины,

„Не знаю я Чуриловой посельницы,

„Не знаю я, Чурила гдѣ дворомъ стоитъ?“

Говорятъ ему князи и бояра:

„Свѣтъ-государь, ты Владимиръ князь!

„Дворъ у Чурилы вѣдь не въ Кіевѣ стоитъ,

„Какъ живетъ-то Чурила во Кіевцѣ,

„На матушкѣ на Сорогѣ на рѣкѣ,

„Супротивъ креста Леванидова,
„У святыхъ мощей у Борисовыхъ“.
Тутъ-то солнышко латился,
Поскорѣй Владимиръ кольчужился,
И бралъ онъ любимаго подручника
Стараго казака Илью Муромца,
Бралъ и княгиню Апраксию.
Поднимался князь на Сорогу рѣку,
Поѣхалъ со князьями, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми.
Будетъ князь на Сорогѣ рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова,
У святыхъ мощей у Борисовыхъ.
Пріѣзжаетъ къ Чурилову широку двору.
Дворъ у Чурилы на Сорогѣ рѣкѣ,
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора все булатный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ.
Двери были да все точенныя,
Ворота были да все стекольчатыя,
Подворотенка — дорогъ рыбій зубъ.
На томъ на дворѣ на Чуриловомъ
Стояло теремовъ до семидесяти,
Въ которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ;
У Чурилы первы сѣни рѣшетчатыя,
У Чурилы други сѣни частоберчатыя,
У Чурилы третьи сѣни да стекольчатыя.
Изъ тѣхъ да изъ высокихъ изъ теремовъ
На ту ли улицу падовую
Выходилъ тутъ старъ-матеръ человѣкъ;
На старомъ шубочка соболя была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ (золотая
парча),
Пуговики были вальячныя (массивныя, плотныя)
Вальянкѣ-отъ литы красна золота.

Кланяется да покланяется,
Самъ говоритъ ласково слово:
„Пожалуй-ко, Владимиръ, во высокъ теремъ,
„Во высокъ теремъ да хлѣба кушати!“
Говоритъ Владимиръ таково слово:
„Скажись мнѣ, старъ-матерь челоуѣкъ,
„Какъ тебя да именемъ зовутъ,
„Хотя зналъ бы, у кого хлѣба кушати?“
— „Я, — говоритъ, — Пленко — гость Сорожанинъ,
„Я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшка“.
Пошелъ Владимиръ во высокъ теремъ,
Во теремъ-отъ идетъ, самъ дивуется.
Хорошо терема изукрашены:
Полъ-середа одного серебра,
Стѣны, потолокъ — красна золота,
Печки-то были все муравленныя,
Подики-то все были серебряныя.
Все въ терему по-небесному:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори,
На небѣ звѣздочка покатится, —
По терему звѣздочки посыплются.
Все въ терему по-небесному.
Садился князь за дубовый столъ.
Втапоры были повара догадливы:
Носили ѣства сахарныя
И питица медвяныя,
А питица заморскія.
Будетъ пиръ во полупирѣ,
Будетъ столъ во полустолѣ,
Весела бесѣда, на радости день,
И князь съ княгиней весель сидитъ.
Посмотрѣлъ во окошко косящатое:
Какъ изъ далеча-далеча чиста поля,

Отъ матушки отъ Сороги отъ рѣки,
Идетъ съ поля толпа — сто молодцевъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними одношерстные,
Узды-поводы сорочинскіе,
Сѣделышки были на золотѣ.
Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Кожаны тѣ на молодцахъ лосиные,
Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна,
Источенками подпоясанные,
Шапочки на нихъ — золоты верхи.
Молодцы на коняхъ бы свѣчи горятъ,
Кони подъ ними бы соколы летятъ!
Та толпа на дворъ не пришла,
Новая изъ поля появилась:
Отъ матушки-отъ отъ Сороги рѣки
Идетъ толпа двѣсти молодцовъ.
Та толпа на дворъ не пришла,
Новая изъ поля появилась:
Идетъ толпа — триста молодцовъ.
Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
На молодцѣ-то шуба соболя была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были вальячныя,
По дорогу явлоку свирскому.
Волосинки — золота дуга — серебряныя,
Шея Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя.
Ѣдетъ Чурило самъ тѣшится:
Съ коня да на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Черезъ третье да на четвертое.
Вверхъ копье да подбрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.

Владимиръ-то сидить за дубовымъ столомъ,
Взадъ да впередъ сталъ поерзывать:

„Охти мнѣ, уже куда да буде мнѣ!

„Али же тутъ ѣдетъ да царь съ ордой?

„Али же тутъ ѣдетъ король съ литвой?

„Не думный бояринъ ли, не сватовщикъ

„На моей на племянницѣ любезной,

„На душкѣ Забавѣ на Путятичной?“

Говорить Пленко да гость Сорожанинъ:

„Не бойся, Владимиръ, не полошайся,

„Тутъ вѣдь ѣдетъ сынишко мое —

„Премладое Чурило сынъ Пленковичъ!“

И выходитъ Пленчище Сорожанинъ

На заднее переное крылечико;

Возговорить Пленчище таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!

„Есть у тебя любимый гость,

„Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій.

„Чѣмъ будешь гостя потчевати?

„Чѣмъ будешь гостя жаловати?“

Бралъ ли Чурила золоты ключи

И шелъ-то Чурила въ кованы ларцы:

Бралъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

Многія пары лисицъ да куницъ,

Подарить-то князя Владимира;

И бралъ-то камочку хрущатую:

Дарить-то княгиню Апраксию.

Бояръ-то дарилъ да все лисками,

Купцовъ-то дарилъ все куницами,

Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.

Говорить-то Владимиръ таково слово:

„Хоть много на Чурилу было жалобщиковъ,

„А поболѣ того челомя-битчиковъ.

„Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!

„Не довлѣетъ ти, Чурилѣ, жить во Кіевцѣ,

„А довлѣетъ ти, Чурилѣ, жить во Кіевѣ.

„Хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
„Во стольники ко мнѣ, во чашники?“
Инъ отъ бѣды такъ откупается,
И Чурила на бѣду и нарывается:
Пошелъ ко Владимиру во стольники,
Во стольники къ нему, во чашники.
Пріѣзжали они во Кіевъ градъ.
Свѣтъ-государь-де Владимиръ князь
На хорошаго на новаго на стольника
Да заводилъ-де государь почестенъ пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы;
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ,
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скатенъ жемчугъ раскатается.
Премладая-то княгиня да Апраксія
Рушила княгиня лебедь бѣлую,
Порѣзала княгиня руку лѣвую;
Сама взговоритъ таково слово:
„Не дивуйтесь-ка, жены мнѣ господскія,
Что обрѣзала я руку лѣвую,
„Я, смотря на красоту Чурилову,
„На его на кудри на желтые,
„На его на перстни злаченные,
„Помутились у меня очи ясныя!“
И возговоритъ Владимиръ таково слово:
„Не довлѣетъ ти жить во стольникахъ,
„А довлѣетъ ти жить въ позовщикахъ,
„Ходить по городу по Кіеву,
„Зазывать гостей на почестенъ пиръ“.
Кто отъ бѣды откупается,
А Чурила на бѣду накупается.
Того дѣла Чурилушка не пятится.
Встаетъ Чурило ранешенько,
Умывается Пленковичъ бѣлешенько,
Надѣваетъ сапожки зеленъ-сафьянъ,

Около носовъ яйцомъ прокатить,
Подъ пятой-пятой воробей пролетить,
Улицами идетъ — переулками,
Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣтикъ не ломится.
Желтыми кудрями потряхиваетъ:
Желтые-то кудри рассыпаются,
Бывъ скатень жемчугъ раскатается.
Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ — оконенки звенять,
Стары бабы глядятъ — прялицы ломаютъ.
Половина Чурилушкѣ отказываетъ,
А другая Чурилушкѣ приказываетъ.

Дюкъ Степановичъ.

Во той ли во Индѣи во богатые,
Во той ли во Корелѣ упрямыя,
Во славномъ во городѣ во Галичѣ
Жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Снаряжался Дюкъ въ стольно Кіевъ-градъ:
Отстоялъ раннюю заутреню воскресную,
Становился на крылечко на переное.
Выходила его матушка изъ Божьей церкви,
Понизешенько Дюкъ покланяется,
Бьетъ челомъ о сыру землю:
„Государыня свѣтъ моя матушка,
„Во всѣхъ городахъ, мати, много бывано,
„А во городѣ во Кіевѣ не бывано,
„Владимира князя, матъ, не видано,
„Государыни княгини свѣтъ Апраксіи.
„Дай-ко ты мнѣ прощеньице
„И дай-ко ты мнѣ благословеньице
„Бхатъ ко городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру,
„Мнѣ прямой дорожкой, не окольною.

„Поразѣздить своего бурушка косматого,
„Поразмять своего плеча богатырскаго
„И утѣшить мысли молодецкія!“
Матушка ему да испроговорить:
„Ахъ ты гей, рожонс мое дитятко,
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
„Не дамъ я ти прощенья съ благословеньицемъ
„Ѣхать ко городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру
„Прямой дорожкой, не окольной.
„На той прямой дорожкѣ, не окольной,
„Есть три заставы великія:
„Перва застава великая —
„Что ли горушки толкучія;
„Тыи жъ какъ горы врозь растолкнутся,
„Врозь растолкнутся да вмѣстѣ столкнутся.
„Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
„Тутъ тебѣ, молоду, живу не бывать!
„Друга застава великая —
„Что ли птичущи клевучія,
„Они тебя, Дюка, и съ конемъ склюютъ.
„Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
„Тутъ тебѣ, молоду, живу не бывать!
„Третья застава великая —
„А лежитъ змѣя проклятая,
„Лежитъ змѣище-Горынище,
„О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
„И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
„Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
„Тутъ тебѣ, молоду, живу не бывать!“
Онъ бьетъ челомъ, покланяется:
„Ай же ты, свѣтъ государыня-матушка,
„Дашь прощеньице-благословеньице — поѣду,
„И не дашь прощеньице-благословеньице — поѣду“.
Давала ему прощеньице-благословеньице,
На прощанье ему наказывала:

„Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
„Если Богъ тебѣ судить быть во Кіевѣ,
„У ласковаго князя у Владимира,
„Ты не хвастай животишками сиротскими,
„Сиротскими животишками, вдовиными!“
Поклонъ Дюкъ отдалъ и прочь пошелъ;
Ходилъ на конюшню стоялую,
Выбиралъ коня себѣ по разуму.
Не изъ ста бралъ Дюкъ, не изъ тысячи,
Выбиралъ себѣ бурушка косматаго.
Скоро дѣтина собирается,
Скоро садится на добра коня.
Въ тороки кладетъ Дюкъ платье цвѣтное.
Еще не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна три тысячи;
А кольчуга на немъ красна золота,
Цѣна сорокъ тысячей;
А и конь подъ нимъ во пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ —
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ.
Потому коню цѣна пять тысячей.
Еще не много съ Дюкомъ живота пошло:
Пошелъ тугій лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи.
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога у лука красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку шемахинскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
И въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,

Всякая стрѣла по десяти рублей;
А еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо.
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣградѣ,
Клеены онѣ клеємъ осетра рыба,
Перены онѣ перьяцемъ сиза орла.
Не того орла сиза орловича,
Который летаетъ по святой Руси,
Бьетъ сорокъ, воронъ, сѣру галицу,
А того орла сиза орловича,
Который летаетъ по синю морю,
Бьетъ гуся и лебедя
И сѣру пернату малу утицу.
Сидитъ-то орелъ на камени,
На томъ ли на камени на латырѣ.
Аще тотъ орелъ сворохнется —
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи споютъ.
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
Ронилъ онъ перьяца во сине море.
А бѣжали гости-корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ.
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублей, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу самоцвѣтному.
Онъ и днемъ ихъ, Дюкъ, разстрѣливалъ.
Ночью осеннею сбирывалъ.
Какъ днемъ тѣхъ стрѣлочекъ не видѣти,

А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять,
Свѣчи теплятся — воску яраго.
Какъ не ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ не бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А и конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь,
Лютый звѣрь конь и буръ и косматъ,
У коня грива до сырой земли;
Въ трехъ мѣстахъ грива была изукрашена,
Краснымъ золотомъ была повита.
Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки dospѣхи на могучихъ плечахъ.
Поѣхалъ молодецъ по верхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Доѣзжаетъ до первой заставы крѣпкія:
Стоять тутъ горы толкучія;
Тыя горушки растолкнулись,
Не поспѣли вмѣстѣ столкнуться,
Его бурушка проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ,
Съ горы на гору да съ холмы на холму.
Къ другой заставѣ прискакивалъ:
Сидятъ тутъ птицы клевучія.
Не поспѣли птицы крыльицевъ расправити,
Его бурушка проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ,
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки тѣ, озера перескакивалъ,
Широки раздолья промежъ ногъ пускалъ.
Къ третьей заставѣ прискакивалъ:
И лежитъ змѣище-Горынище
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ;
Не поспѣла змѣя хоботовъ расправити,
Его бурушка проскакивалъ,

Его маленькій провертывалъ
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки тѣ, озера перескакивалъ,
Широки раздолья промежъ ногъ пускалъ.
Подъѣхалъ ко городу ко Кіеву:
Прямо черезъ стѣну перескакиваетъ,
Башни наугольны перемахиваетъ,
Пріѣхалъ прямо въ палаты княженецкія
И спросилъ-то онъ про князя про Владимира.
Владимира-то въ домѣ не случилось:
Ушелъ-то князь Владимиръ во Божію церковь.
Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божію
По тыя по улицѣ широкія;
Приходитъ во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли.
Становился подлѣ князя Владимира,
Промежду Владыку Чернигова,
И промежду Бермяту Васильева,
И промежду Чурилы Пленковича,
Кланяется да поклоняется,
Самъ посматриваетъ:
„Погода-то, братцы, весенняя,
„Обрызгалъ свое платье цвѣтное“.
Говорилъ Владимиръ таково слово:
„Ты скажи-тко, молодецъ, провѣдай-ка,
„Ты коей орды, да изъ коей земли,
„Тебя какъ-то, молодца, именемъ зовутъ,
„Звеличатъ намъ удалаго по отечеству?“
Говоритъ удалой добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Свѣтъ государь Владимиръ князь!
„Есть я изъ города Галича,
„Изъ Волынь земли богатыхъ,

„Изъ той Корелы упрямыя,
„Изъ той изъ Сорочины широкія,
„Изъ той Индѣи богатія,
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
„На славу пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.
„Я прослышалъ про славный Кіевъ градъ,
„Скажутъ, Кіевъ градъ на красѣ стоитъ,
„Скажутъ, солнышко Владимиръ князь богато живетъ“.
Говорить Чурило таковы слова:
„Свѣтъ государь Владимиръ князь!
„Во глазахъ мужикъ - то усмѣхается,
„Во глазахъ-то онъ да подлыгается!
„Не бывать тутъ Дюку Степанову,
„Только быть мужичонку засельщику,
„И быть деревенщинѣ.
„Жилъ у купца — гостя торговаго
„И укралъ у него платье цвѣтное,
„Жилъ у иного у боярина,
„Угналъ у боярина добра коня.
„На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,
„Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
„Надъ нами, боярами, пролыгается“.
Они Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да приложилися,
Выходили они со Божьей церкви.
Вышли они на улицу широкую,
На ту дуброву на зеленую,
Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Хороша была слава на Владимира!
„У Владимира все не по-нашему:
„Церкви-то у васъ все деревянные,
„У васъ маковки на церквахъ все осиновые;
„Какъ у насъ во городѣ, во Галичѣ,
„У моей государыни у матушки
„Тамъ церкви у насъ да все каменные,
„Известочкой онѣ отбѣлены,

„Маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
„Крыши на домахъ золоченыя,
„Домики стоятъ да будто жаръ горять“.
Пошли они по городу, по Кіеву:
Онъ идетъ молодой бояринъ, на сапожки поглядываетъ,
На сапожки поглядываетъ, на шубку посматриваетъ.
Говоритъ Чурилушка Пленковичъ:
„Заподлинно холопина дворянская:
„Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
„Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ!“
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Хороша была слава на Владимира!
„У Владимира все не по-нашему:
„Мостовыя у васъ черною землею призасыпаны,
„Подлило водою ихъ дождевою,
„Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди,
„Мараются мои сапожки сафьянные
„Во грязь да во черную.
„Какъ во нашей ли Индѣюшки богатые,
„У моей у родителя, у матушки,
„Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
„Сорочинскія суконца приразостланы,
„Не мараются сапожки сафьянные
„Во грязи во черныя.
„Какъ у моей государыни матушки,
„Пойдетъ она отъ церкви отъ соборныя,
„Впереди идутъ лопатники,
„За лопатниками идутъ метельщики,
„За метельщиками идутъ суконщики,
„Разстилаютъ сукна одинцовыя,
„Мою матушку, честну вдову Мамелфу Тимоѣевну,
„Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
„Вся она обвѣшена бархатомъ,
„Чтобъ не запекало ее солнце красное,
„Не капала роса утренняя.
„А у ты просто-запросто, пусто-запусто!“

Приходили ко двору княженецкому;
Головой качаетъ Дюкъ, поговариваетъ:
„У Владимира все не по-нашему:
„Какъ у насъ во городъ во Галичѣ,
„У моей сударыни, у матушки,
„Надъ воротами было иконъ до семидесяти,
„И всѣ иконы были на золотѣ;
„А у тебя, у Владимира, десятка нѣтъ!“
Зашли они на широкій дворъ;
Головой качаетъ Дюкъ, поговариваетъ:
„Хороша была слава на Владимира!
„У Владимира все не по-нашему:
„Какъ у насъ во городъ во Галичѣ,
„У моей сударыни, у матушки,
„На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
„Продернуты кольца позолоченыя,
„Разставлена сыта медвяная,
„Есть насыпана пшена бѣлаяраго,
„Есть, что добрымъ конямъ пить и кушати;
„А у тебя, Владимиръ, того не случилось.“
Какъ вошли они въ палаты бѣлокаменные,
Садилась за столы бѣлодубовые,
Стали ѣсть-то ѣствушку сахарную,
Подносили имъ колачиковъ крупивчатыхъ.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ верхнюю корочку отламываетъ,
А нижнюю корочку прочь откладываетъ.
Какъ увидѣлъ солнышко Владимиръ стольно-кіевскій.
Говоритъ ему таковы слова:
„Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
„Верхнюю корочку отламываешь,
„А нижнюю прочь откладываешь?“
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, Владимиръ стольно-кіевскій,
„Не могу ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ,
„У васъ въ Кіевѣ все не по-нашему:

„Сдѣланы-то бочечки дубовыя,
„Набиваны обручики еловые
„И положено-то свѣжей ключевой воды,
„Тутъ у васъ и колачики мѣсятъ;
„Покладены-то печечки кирпичныя,
„Топлены-то дровца еловыя,
„Подѣланы помялышки сосновыя, —
„Тутъ у васъ и колачики пекутъ.
„Колачики пахнутъ на хвою сосновую.
„Какъ во нашей Индѣюшки богатая,
„Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей у родителя, у матушки,
„Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
„Обручики набиты золоченыя,
„И положено медовъ туда стоялыхъ
„И тутъ у ней колачики мѣсятъ.
„Подѣланы-то печечки муравленыя,
„И топятся дровца дубовыя,
„Сдѣланы помялышки шелковыя,
„И тутъ у насъ колачики пекутъ.
„Колачикъ съѣшь — другого хочется,
„Другой съѣшь — по третьемъ душа горитъ,
„Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ“.
Подносили имъ хмельные напитки,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ чару пилъ, другую за окошко лилъ,
Самъ онъ говорилъ да таковы слова:
„Не могу пить вашихъ напитковъ сладкихъ,
„У васъ въ Кіевѣ все не по-нашему:
„У васъ бочечки подѣланы дубовыя,
„Набиваны обручики еловые,
„Туда водочка-винцо у васъ положено,
„Да копаны погреба глубокіе,
„А спущены бочки тѣ да на землю,
„Туда не ходятъ вольные воздуха,
„Онѣ тамъ затхнулися.

„Какъ во нашей во Индѣюшки богатая,
„Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
„У моей родителя, у матушки,
„Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
„И обручики набиты золоченыя,
„Туда водочка-винцо у насъ положено
„И на цѣпи на серебряны повѣшено
„Во тѣхъ во погребахъ глубокихъ;
„Туда подведены вѣтры буйныя,
„Повѣютъ вѣтры буйныя со чиста поля,
„Пойдутъ воздуха по погребамъ,
„Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
„Будто лебеди на тихихъ заводахъ;
„Такъ вѣкъ не затхнутъ напитки сладкіе;
„Какъ чару пьешь — другой хочется,
„Другую пьешь — по третьей душа горитъ.
„Эта хвальба не похвальба:
„У моей государыни у матушки
„Цвѣтно платье не держится.
„Потому оно не держится,
„Что швецы не выводятся:
„Та толпа швцовъ со двора сошла,
„А другая толпа на дворъ пришла,
„Добрые кони ѣздятъ не ѣзятся:
„Стоить безъ счету добрыхъ коней,
„Зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
„Только выскочать поигратся въ чисто поле.
„Эта похвальба еще не похвальба:
„Есть насыпано двѣнадцать погребовъ глубокихъ
„Злата и серебра и мелкаго скатняго жемчуга:
„На одинъ на погребъ скуплю-продамъ
„Стольный Кіевъ-градъ и Черниговъ-градъ“.
И за тѣмъ столомъ дубовымъ
Сидѣлъ Чурило Пленковичъ,
Говоритъ ему Чурила таковы слова:
„Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался

„Своимъ имѣньемъ, богатствомъ?
„Ударимъ-ко со мною о великъ закладъ:
„На три года поры времени,
„Чтобъ проѣздить намъ по городу по Кіеву,
„Чтобъ на всякій день были кони смѣнные,
„Смѣнные кони, перемѣнные,
„Снова наново, все на три года,
„И на три года да еще на три дня,
„Чтобъ въ три года такого цвѣта не было,
„Чтобъ на всякій день платья были цвѣтныя,
„Цвѣтныя платья — перемѣнныя,
„Снова наново, все на три года,
„И на три года да еще на три дня,
„Чтобъ въ три года такого цвѣта не было.
„Ударимся не о сотняхъ, не о тысячахъ,
„Ударимъ о своей буйной головѣ“.
Говоритъ ему Дюкъ таковы слова:
„Просишь ты, Чурило Пленковичъ,
„Бить со мной о великъ закладъ.
„Какъ живешь ты въ своемъ стольно-Кіевѣ,
„Кладовыя-то полны одежицы наполнены,
„А мое-то вѣдь дѣло есть дорожное,
„Мое платье стало здѣсь завозное“.
И ударились они о великъ закладъ.
По Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ
Всѣмъ городомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился князь со княгинею,
А по Дюкѣ никто не ручается,
Только голь кабацкая ручается.
Закручинился бояринъ, запечалился,
Скоро сажился на ременчатъ стулъ,
Писалъ онъ скорописчатые ярлыки,
Полагалъ въ сумки переметныя,
Отпускалъ онъ мала бурушка-кавурушка,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Выручай хозяина изъ неволи изъ великія!“

Выводилъ коня съ широка двора,
Спустилъ коня изъ бѣлыхъ рукъ.
Побѣжалъ конь выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Какъ будетъ во Индѣи во богатые,
У его государыни родной матушки,
Заржалъ голосомъ лошадинымъ.
Услыхала государыня родна матушка,
Выбѣгала она на крыльцо на переное.
Увидала она своего добра коня,
Уливалась слезами горячими,
Сама говорить да таково слово:
„Видно, нѣтъ жива рожонаго дитятки
„Стоить у крыльца одинъ добрый конь“.
Увидала она сумки переметныя,
Сама говорить да таково слово:
„Что рожоно мое дитятко захвастливо,
„Захвастливо,— да, знать, захвачено!“
Снимала она сумки переметныя,
Вынимала скорописчатые ярлыки,
Полагала ему платья цвѣтныя,
По три пары положила на всякій день
Ново-на ново на три года,
Ай на три года да еще на три дня,
Отпускала мала бурушка-кавурушка.
Какъ онъ будетъ во градъ во Кіевъ,
У ласкова князя у Владимира,
У Владимира на широкомъ дворѣ,
Заржалъ голосомъ лошадинымъ.
Всѣ во градъ приужаснулись,
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Знать, пришелъ малый бурушка-кавурушка“.
Получалъ свои платья цвѣтныя...
И поѣхали по городу по Кіеву
Съ молодымъ Чурилушкою Пленковичемъ.
Сгоняли лошадей ко Чурилушкѣ

Со всего со города со Кіева и со города Чернигова,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повыстанетъ,
Бурка въ росѣ повыкатаетъ,
На бурушкѣ-то шерсть перемѣнится.
Проѣздили они цѣло три года,
Цѣло три года да еще по три дня,
Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосскія.
Молодой Чурилушка Пленковичъ
Обуль сапожки-то зеленъ сафьянъ,
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пятау хотъ соловей лети,
А кругомъ пяты хотъ яйцомъ кати;
Наложилъ онъ шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завѣсисту,
Спереди не видно ясныхъ очей.
А сзади не видно шеи бѣлыя.
И надѣвалъ онъ шубу черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ.
Въ пуговкахъ литы добры молодцы,
А въ петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
Какъ застегнутся — такъ обоймутся,
А разстегнутся — поцѣлуются.
Поглянулъ Владимиръ на праву руку,
На молода Чурилушка на Пленкова,
Говорить-то Владимиръ таковы слова:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
„Прозакладаль свою буйную головушку!“
Говорить ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
„Ты, Владимиръ князь стольно-кіевскій,
„Посмотри-тко теперь на лѣву руку!“
Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обуваль лапотцы семи шелковъ,
Въ эти лапотцы были вплетены
Дороги каменя — все яхонты,
Который же камень самоцвѣтный

Стоитъ города всего Кіева,
Опричь Знаменья Богородицы
И опричь прочихъ святителей.
Надѣвалъ онъ шапочку съ рогавками,
У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
Отъ камешекъ печетъ какъ отъ краснаго солнышка,
И надѣвалъ шубу черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ дорогимъ подъ самитомъ.
Во пуговкахъ литы люты звѣри,
Во петелькахъ шиты люты змѣи.
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ,
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ —
Засвистали во петелькахъ люты змѣи.
И отъ того реву отъ звѣринаго
И отъ того свисту отъ змѣинаго
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Старый и малый на землѣ лежатъ,
За Дюкомъ всѣмъ Кіевомъ качнулись.
„Тебѣ спасибо, удалой добрый молодецъ,
„Перещепилъ (перещеголялъ) ты Чурилу сына Плен-
ковича“.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій,
„Намъ которому съ Чурилой голова рубить?“
Говорилъ тутъ Чурилушка Пленковичъ:
„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
„Ты ударь-ко о великъ закладъ:
„Скакать черезъ матушку Почай-рѣку
„На добрыхъ коняхъ и назадъ отскакивать“.
Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
„Тебѣ просто бить со мною въ великъ закладъ:
„Конь твой-отъ богатырскій конь

„Стоить у твоихъ конюховъ любимыхъ,
„Бѣтъ-то онъ пшену бѣлоярову,
„Испиваетъ свѣжу ключеву воду,
„А мое есть конишечко дорожнос,
„Дорожное конишечко заѣзжано“.
И ударились они о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
А ударились о своихъ буйныхъ головахъ:
Который изъ нихъ не перескочить,
У того голову срубить.
Чурило-то сынъ Пленковичъ
Выводилъ Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ самолучшаго,
Разганивалъ и разѣзживалъ
Издаleichа-далеча, изъ чиста поля,
О полурѣки Чурила въ воду вверзился.
Молодой боярилъ Дюкъ Степановичъ
Не разганивалъ и не разѣзживалъ,
Съ крута берега коня приправливалъ
И скочилъ за матушку Почай-рѣку
И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ.
О полурѣки да онъ припадывалъ,
Чурилу за желты кудри захватывалъ;
Повыташилъ Чурилу съ конемъ съ воды,
А самъ говоритъ таково слово:
„Ты солнышко Владимиръ стольно-кїевскій,
„Намъ которому съ Чурилой голову рубить?“
Говорилъ Владимиръ стольно-кїевскій:
„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
„Не руби-тко ты Чурилъ буйной головы,
„А оставь намъ Чурилу хоть для памяти!“
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ,
„Пусть ты княземъ ты Владимиромъ упрошенный,
„Пусть ты кїевскими бабами уплаканный!
„Не ѣзди съ нами со бурлаками,

„А сиди во градѣ во Кіевѣ,
„Ты во Кіевѣ во градѣ между бабами!“
Тутъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во ту Индѣюшку богатую.
Самъ говоритъ таковы слова:
„Какого намъ послать общѣнщика
„Общѣнять животы всѣ Дюковы?
„Ежели послать смѣлаго Алешу Поповича?
„Его глазишечки поповскіе,
„Поповскіе глазишечки завидливы,
„Заглядятся у него глаза на Дюково имѣнье—богачества,
„Ему оттоль да вѣдь не выѣхать.
„Надо послать грамотой востраго,
„На рѣчахъ разумаго, съ гостями почестливаго.
„Послать иного некого —
„Послать молода Добрынюшку Никитича“.
Исправлялся Добрынюшка Никитьевичъ,
Садился на добра коня
И поѣхалъ къ Индѣѣ богатая.
Подѣхалъ подъ Индѣю богатую,
Повысталъ на гору на высокую,
Самъ говоритъ да таково слово:
„Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
„Онъ послалъ, знать, туда вѣсточку нерадостну,
„Чтобъ зажлги Индѣю ту богатую.
„Ай, горитъ Индѣя-то богатая!“
Какъ подѣхалъ онъ поближе-де:
У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
И пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,
И зашелъ во высокъ теремъ,
И крестъ кладетъ по-писаному,

Алеша Поповичъ.

Поклонъ ведетъ по-ученому,
На всѣ стороны поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли.
Сидитъ жена — стара матера.
Мало шелку, — а вся въ серебрѣ.
И говорить Добрыня таково слово:
„Ты здравствуй, Дюкова же матушка,
„Тебѣ сынъ послалъ челобитіе
„И по-низку велѣлъ поклонъ поставити“
И говорить жена — стара матера:
„Я не Дюкова матушка,
„Я Дюкова работница.
„Ступай туда во второй покой“.
Приходить онъ во второй покой.
Сидитъ жена — стара матера,
Шелку мало, а вся въ золотѣ.
Онъ опять поклоняется:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Говоритъ старуха таково слово:
„Я не Дюкова матушка,
„Я Дюкова колачница“.
Приходить онъ въ третій покой.
Сидитъ жена — стара матера,
Мало шелку, а вся въ жемчугѣ,
Онъ опять поклоняется:
„Здравствуй Дюкова матушка!“
Говоритъ жена — стара матера:
„Я не Дюкова матушка,
„Я Дюкова нянюшка,
„А Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла.
„Поди къ обѣднѣ воскресныя,
„Да смотри, да всякому не кланяйся.
„Когда пройдутъ мятельники изъ церкви,
„Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
„Тогда Дюкову матушку
„Ведутъ дѣвицы подъ руки,

„Она вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ.

„Умѣй дѣтина поклоняться!“

И пошелъ Добрынюшка Никитьевичъ

Ко обѣдни воскресныя.

И стоитъ онъ у церкви соборныя.

Идетъ она изъ церкви соборныя,

Впереди идутъ лопатники,

За лопатниками идутъ метельщики,

За метельщиками идутъ суконщики,

Разстилаютъ сукна одинцовыя.

Честну вдову Мамелфу Тимоѣевну

Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,

Вся она обвѣшана бархатомъ,

Чтобъ не запекало ее солнце красное,

Не капала роса утрення.

Умѣть Добрыня поклоняться

Желтыми кудрями до сырой земли.

Самъ говорить таково слово:

„Ты здравствуй, Дюкова же матушка!

„Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,

„По-низку велѣлъ поклонъ поставити“.

И говоритъ Дюкова матушка:

„Удалый, дородній добрый молодецъ,

„Изученье вижу твое полное,

„А не знаю тебѣ ни имени ни вотчины“.—

„Я изъ стольнаго города Кіева

„Молодой Добрынюшка Никитьевичъ,

„Отъ твоего сына отъ любимаго.

„Захвасталъ онъ своимъ посельцемъ.

„Я вѣдь пріѣхалъ сюда на тебя смотрѣть,

„Житія твоего богатства описывать“.—

„Ступай за мною, добрый молодецъ“.

Пришла во гридню столовую,

Полагали скатерти бранныя,

Посадили за столики дубовые,

Поставляли напитки стоялыя,

Такъ рюмочку пьешь — по другой душа горить,
Горить душа, а третьей хочется.
Понесли колачиковъ крупивчатыхъ,
Такъ колачикъ ѣшь — по другомъ душа горить,
Горить душа, а третьяго хочется.
Напился, наѣлся добрый молодець,
Отводила его въ ложню на кроваточку рыбій зубъ,
Спалъ молодець трои сутки безъ просыпа,
На четвертыя встаетъ на рѣзвы ноги.
Пойдетъ смотрѣть Дюково поселище.
И скоро старуха брала золоты ключи
И вела въ амбары магазейные,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе.
Смекаль Добрыня много времени,
Не могъ товарамъ и смѣты дать.
Привели въ погреба темные:
Висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга,
Повывела она на широкій дворъ.
А течетъ тутъ струйка золоченая,
А тутъ не могъ онъ и смѣты дать.
И говоритъ Дюкова матушка:
„Ты скажи-тко солнышку Владимиру,
„Пускай попродаетъ на бумагу весь Кіевъ градъ,
„На чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
„Тогда можешь Дюково имѣнье описывать!“
Прощался Добрыня съ Дюковой матушкой
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ Добрыня во Кіевъ градъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій!
„Наказывала тебѣ Дюкова матушка,
„Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
„На чернила продать весь Черниговъ градъ,
„Тогда можешь Дюково имѣнье описывать“.

И тогда Дюкова правда сбывается,
Будто вешняя вода разливается.
Говорилъ Владимиръ стольно-кїевскій:
„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
„За твою за великую за похвальбу
„Ты торгуй въ нашемъ во градѣ во Кїевѣ,
„Во Кїевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошлыны!“
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
„Какъ вѣдь съ утра солнышко не спекло,
„Подъ вечеръ солнышко не огрѣетъ.
„На прїѣздѣ молодца ты не учествовалъ,
„А теперъ на поѣздѣ не учествовать!“
Скоренько сажился на добра коня.
А видали Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
Не видали Дюковой поѣздочки.
А съ той поры, да съ того времени
Стали Дюка стариной сказать,
Отнынѣ сказать да и до вѣку.
То старина, то и дѣянье,
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Соловей Будиміровичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе,
Чуденъ крестъ Ливанидовскій,
Долги плесы Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочинскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстрыя рѣки Понизовскія.

Изъ-подъ дуба, дуба было сыраго,
Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черленаго,
Изъ-подъ кустышка сподъ ракитова,
Сподъ той березы сподъ кудрявья,
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала-выпадала мать Нѣпра-рѣка.
Выпадала она въ море, море Черное,
Выходила она да во Турецкое.
По Турецкому морю, морю Черному,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единымъ,
Единый корабль передомъ бѣжить,
Передомъ бѣжить, какъ соколъ летить,
Славнаго гостя богатаго,
Молода Соловья сына Будиміровича.
У того было у сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню по яхонту,
А не для ради красы, басы ужожества,
Ради темныя ноченьки осеннія.
Вмѣсто бровей было прибivano
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья муразамецкія
И два горностая повѣшено,
Два горностая, два зимніе.
У того было у сокола-корабля
Вмѣсто гривы прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было соколѣ-кораблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма-то въ немъ по-звѣриному,

А бока сведены по-туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура литовскаго.
Бѣгутъ (корабли) ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
На томъ соколѣ-кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
На чердакѣ была бесѣда дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ,
Во бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ,
Со своей государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяной Васильевной.
Играетъ Соловей во звончаты гусли,
Струнку къ струночкѣ налаживаетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Нова-града,
А другіе ведетъ отъ Іерусалима,
А всѣ малыя припѣвки со синя моря,
Со синя моря Волынскаго,
Изъ-за того Кадольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго.
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
Говоритъ Соловей таково слово:
„Братцы вы, дружинушка хоробрая,
„Какъ буду я во городѣ во Кіевѣ,
„У ласкова князя у Владимира,
„Чѣмъ мнѣ будетъ князя дарить,
„Чѣмъ свѣта жаловать?“
Отвѣчаютъ братцы дружина хоробрая:
„Ты славный богатый гость,
„Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ!
„Есть, сударь, у васъ золота казна:
„Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
, Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ,

„Есть, сударь, у васъ дорога камка,
„Что недорого камочка — узоръ хитерь:
„Хитрости были Царя-града,
„А и мудрости Іерусалима,
„Замыслы Соловья Будиміровича.
„На златѣ, на серебрѣ не погнѣвается!“
Пріѣзжалъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А ко славному городу ко Кіеву,
А сходенки металъ онъ дорогъ рыбій зубъ.
Выходилъ, выступалъ онъ на крутъ бережокъ
А со своей дружиной со хороброю,
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Идетъ во gridню во свѣтлую,
Идетъ во gridню Купавъ молодець,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ;
Спасову образу молится,
Владимиру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевнѣ во особину.
Здраствуетъ, князя со княгинею:
„Здраствуешь князь стольно-кіевскій,
„Со своею княгиней со Опраксою!“
Проговорилъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Здравствуй, удаленькій добрый молодець!
„Не знаю я тебѣ ни имени ни изотчины:
„Царь ли ты есть, царевичъ ли?
„Али король ты есть, королевичъ ли?
„Али съ тиха ты Дону лихой казакъ?
„Али грозный посолъ Ляховицкій былъ?“
Онъ говоритъ, промолвить таково слово:
„Не царь я есть, не царевичъ былъ,
„Не король я есть, не королевичъ былъ,
„Не изъ тиха Дону лихой казакъ,
„Не грозный посолъ Ляховицкій былъ,
„А есть со славнаго синя моря

„Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!“
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Даваеъ ему подарочки великіе:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущату,
Недорога камка — узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья сына Будиміровича.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того.
Говоритъ ласковый Володимиръ князь:
„Ахъ ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
„Чѣмъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
„За эти за подарки за великіе?
„Города ли тебѣ надоть съ пригородками?
„Села тебѣ надоть со приселками?
„Али много надоть золотой казны?“
Онъ говоритъ, промолвитъ таково слово:
„Не надоть мнѣ городовъ съ пригородками,
„Не надоть мнѣ селъ со приселками,
„Да и не надоть мнѣ и безсчетной золотой казны,
„Есть у меня своей долюби!
„Только ты дай мнѣ загонъ земли
„Непаханья и неоранья
„У своей, государь, княженецкой племянницы,
„У молодой Забавы Путятичной,
„Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
„Построить, мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ,
„А три терема златоверхіихъ,
„Этой-то ноченькой темною,
„Темною ноченькой осеннею!“
Говорилъ сударь ласковый Владимиръ князь:
„На то тебѣ съ княгинею подумаю!“

А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Непаханья и неоранья.

Походилъ Соловей на свой черленъ корабль,
Говорилъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Ай же, дружинушка хоробрая!

„Дѣлайте дѣло повелѣнное:

„Скидавайте-ка платьѣ цвѣтное,

„Надѣвайте-ка платьице лосиное,

„А лосиное платьице звѣриное!

„А взымайте-ка топорики булатные,

„А стройте-ка мнѣ три терема,

„Три терема златоверхіихъ,

„Что верхи бы съ верхами завивалися,

„Этой-то ноченькой темною,

„Темною ноченькой осеннею“.

А и тутъ дружина Соловьева

Скидывали съ себя платья цвѣтныя,

Надѣвали платьица лосинья,

А лосинья платьица звѣриныя;

Брали топорики булатные.

Съ вечера позднымъ-поздно

Будто дятлы въ дерево пощелкивали,

Работала его дружинушка хоробрая:

Ко полуночи и дворъ поспѣлъ,

Три терема да златоверхіе.

Хорошо терема изукрашены:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,

На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,

На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,

На небѣ заря — и въ теремѣ заря

И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили ко заутрени,

Отъ сна Забава пробуждалася,

Поглядѣла во косявчато окошечко:

„А что это за чудо-то случилося,

„А что это за диво сдвигилося?

„А вѣчоръ-то стоялъ да мой зеленъ садъ,
„А стоялъ-то мой садъ онъ цѣлымъ цѣлой,
„А теперича-то садъ онъ полоненый сталъ!
„А построено въ немъ да три терема,
„А три терема златоверхіихъ.
„Гой еси, мамушки, нянюшки,
„Красныя сѣнныя дѣвушки!
„Подите-тко, посмотрите-тка,
„Что мнѣ за чудо показалось
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?“
Отвѣчаютъ мамушки, нянюшки.
Красныя сѣнныя дѣвушки:
„Матушка Забава Путятична!
„Изволь-ка сама посмотриѣть,—
„Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло!“
Скоро-де Забава наряжается,—
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговицы въ семь тысячъ.
Пошла она въ вишенью, въ орѣшенъю,
Во свой во хорошъ, во зеленый садъ:
У перваго терема послушала —
Тутъ въ теремѣ шелчить-молчить,
Лежитъ Соловьева золотая казна.
Во второмъ теремѣ послушала —
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ — все молитву творять,
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумныи.
У третьяго терема послушала —
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Забава въ сѣни косящатыя,
Отворила двери на пятахъ,
Больно Забава испугалася,
Рѣзвы ноги подломились,—
Чудо въ теремѣ показалось:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря — въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.
Подломилися ея ноженьки рѣзвья,
Въ ту пору Соловей, онѣ догадливѣ былѣ,
Бросилѣ свои звончаты гусли,
Подхватилѣ дѣвицу за бѣлы руки:
„Чего ты, Забава, испугалася?
„Мы-де оба на возрастѣ!“ —
„А и я-де дѣвица на выданьи,
„Пришла сама за тебя свататься!
„Младѣ Соловей сынѣ Будиміровичѣ!
„Ты возьми меня красну дѣвушку,
„Ты возьми-тко меня за себя замужъ!“
Говоритѣ Соловей сынѣ Будиміровичѣ:
„Ты всѣмѣ мнѣ дѣвушка въ любовь пришла,
„Однимѣ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла:
„Сама ты себя дѣвушка просватываешь!“
А тутѣ стало дѣвкѣ не любешенько,
Не любешенько, не хорошохонокѣ!
А тутѣ скорымѣ скоро, скоро скорешенько
А дѣвушка она да поворотѣ держитѣ.
Тутѣ младѣ Соловей сынѣ Будиміровичѣ
Скоро онѣ справлялся, добрый молодецѣ:
Пришелѣ онѣ сватомѣ большіимѣ
Ко стольному князю ко Владимиру;
Ай тутѣ у князя у Владимира
Да не пива-то варитѣ, не меды-то сочитѣ,
Веселымѣ пиркомѣ да за свадебку!

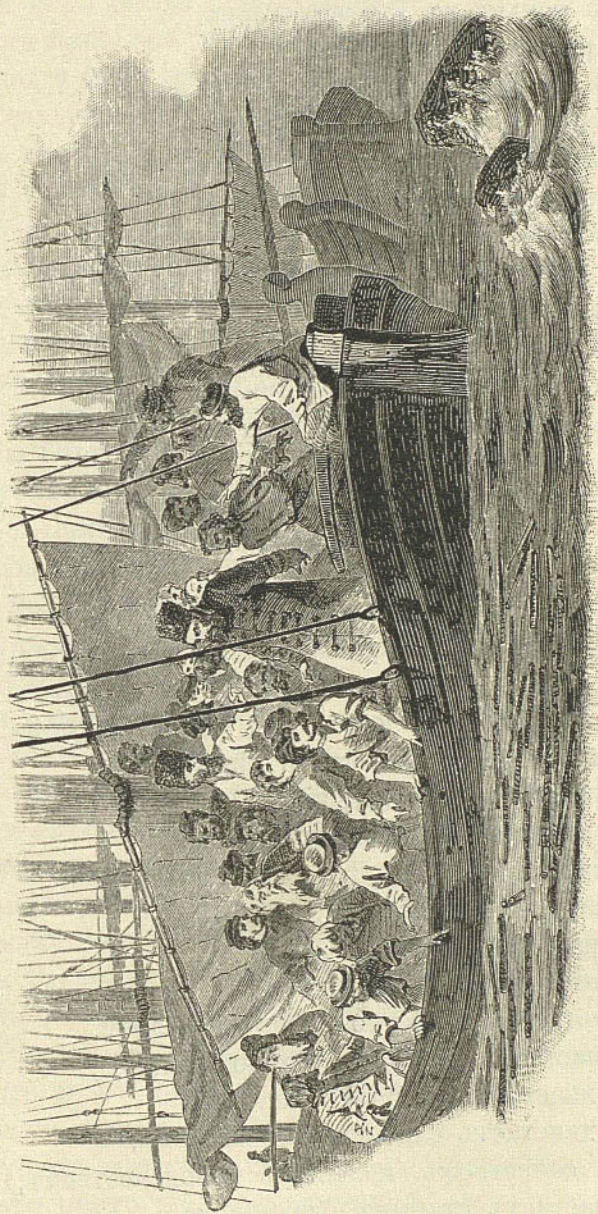

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Б Ы Л И Н А 1-я.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко-купецъ, богатый гость,
А прежде у Садка имущества не было,
Однѣ были гусельки яровчаты:
По пирамъ ходилъ, игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочъ отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, Садко Новгородскій!
„Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
„За твои утѣхи за великія,
„За твою-то игру нѣжную:

„Аль безсчетной золотой казной?
„А не то ступай во Новгородъ
„И ударъ о великъ закладъ,
„Заложи свою буйну голову
„И выряжай съ прочихъ купцовъ
„Лавки товара краснаго
„И споръ, что въ Ильмень-озерѣ
„Есть рыба — золоты-перья.
„Какъ ударишь о великъ закладъ,
„И поди — свяжи шелковый неводъ
„И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
„Дамъ три рыбины — золоты-перья.
„Тогда ты, Садко, счастливъ будешь!“
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій
Сталъ игралъ въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ Садко сталъ похвастывать:
„Ай же вы, купцы новгородскіе!
„Какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
„А есть рыба — золоты-перья въ Ильмень-озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
„Не знаешь ты чуда-чуднаго,
„Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба — золоты перья!“
— „Ай же вы, купцы новгородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго“.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый

И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро;
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку золоты-перья;
Закинули другу тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку золоты-перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку золоты-перья.
Тутъ купцы новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по-небесному:
На небѣ солнце — и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды — и въ палатахъ звѣзды.

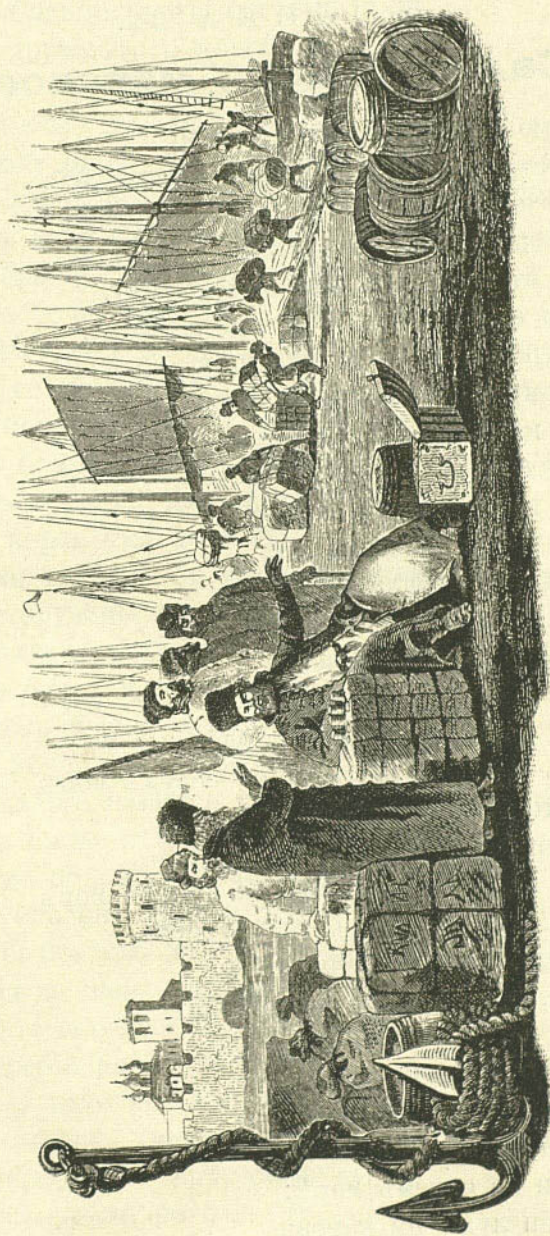
Б Ы Л И Н А 2-я.

 Ай какъ всѣмъ изукрасилъ Садко свои палаты бѣло-
каменны,

Ай сбиралъ Садко столованье да почестень пиръ,
Зазвалъ къ себѣ на почестень пиръ
Тыхъ мужиковъ новгородскихъ,
И тыхъ настоятелей новгородскихъ:
Оому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отчествомъ,
Славнымъ отчествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Ай же всѣ настоятели новгородскіе,
„Мужики какъ вы да новгородскіе!
„А у меня какъ всѣ вы на честномъ пиру,
„А всѣ вы у меня какъ пьяны-веселы,
„Ай похвальбами всѣ вы похвалялися.
„А иной хвастаетъ какъ былицею,
„А иной хвастаетъ такъ небылицею;
„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
„Чѣмъ мнѣ, Садку, похваляться?
„У меня ли золота казна не тощится,
„Цвѣтно платьице не носится,
„Дружина хоробра не измѣняется!
„А похвастать не похвастать золотой казной:
„На свою безсчетну золоту казну
„Повыкуплю товары новгородскіе,
„Худые товары и добрые,
„Не оставляю товаровъ ни на денежку,
„Ни на малу разну полушечку“.
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Не оставить товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброй:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте товаръ во Новѣ-градѣ!“
И распускалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,

Не оставилъ товаровъ ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку!
На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хоробрыя:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая,
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте товаръ во Новѣ-градѣ“.
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ во гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ привавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Говорилъ дружинушкѣ хороброй:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая,
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте вы товаръ во Новѣ-градѣ“.
И распускалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ привавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено;
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Если выкуплю товары московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,
„Побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

А самъ-то прямо шель въ гостиный рядъ:
Втрыйнъ товаровъ принаезено,
Втрыйнъ товаровъ принаполнено;
Подосѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.

Б Ы Л И Н А 3-я.

Садко у царя морского.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей.
Тридцать кораблей, единъ соколъ-корабль
Самого Садки, гостя богатаго;
Корму-то въ немъ строилъ по-гусиному,
А носъ-то въ немъ строилъ по-орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному по камешку по яхонту!
Мачты-то клалъ красна дерева,
Блочики клалъ все кизильные,
Канатики клалъ все шелковые,
Паруса то клалъ полотняные,
Якори клалъ все булатные.
На тѣ на корабли на черленые
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная;
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ,
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые,
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость,
Ко своей дружинушкѣ хоробрыя:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Берите-ка щупы желѣзные,
„Щупайте во синемъ морѣ:
„Нѣтъ ли луды или камня.
„Нѣтъ ли отмели песочныя?
Они щупали во синемъ морѣ:
Не нашли ни луды ни камня
И не нашли отмели песочныя.
День стоятъ, и другой стоятъ, и третій стоятъ.

Закручинились корабельщики, запечалились.

Говорить Садко-купецъ, богатый гость,

Ко своей дружинѣ ко хоробрыя:

„Ай же ты, дружинушка хоробрая!

„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,

„А морскому царю дани не плачивали:

„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,

„Требуешь дани во сине море.

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,

„Спускайте бочку во сине море“.

Дружина его хоробрая

Взимала бочку-сороковку чиста серебра,

Спускали бочку въ сине море:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,

Ломаешь кораблики черленые;

А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробрая

Брали бочку-сороковку красна-золота,

Спускали бочку во сине море:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,

Ломаешь кораблики черленые,

А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Говорить Садко-купецъ, богатый гость:

„Вѣрно не пошлины царь морской требуетъ,

„А требуетъ онъ голову человѣческу,

„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,

„Всякъ свои имена подписывайте,

„Спускайте жеребья на сине море:

„Чей жеребій ко дну пойдетъ,

„Таковому итти во сине море“.

Садко покинулъ хмелево перо,

А все жеребья по верху плывутъ,

Кабы яры гоголи по заводямъ:

Единъ жеребій во море тонетъ,

Въ морѣ тонетъ хмелево перо

Самого Садки, гостя богатаго.

Говорить Садко-купецъ, богатый гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Этые жеребья неправильны.

„А вы рѣжьте жеребья ветляные,

„Всякъ свои имена подписывайте,

„Спускайте жеребья во сине море:

„Чей жеребій по верху плыветъ —

„Таковому итти во сине море!“

А и Садко покинулъ жеребій булатный

Синяго булату вѣдь заморскаго,

Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.

И всѣ жеребьи въ морѣ тонуть:

Единъ жеребій по верху плыветъ

Самого Садки, гостя богатаго.

Говорить Садко-купецъ, богатый гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Видно, царь морской требуетъ

„Самого Садка богатаго во сине море;

„Несите мою чернильницу вальяхнуну,

„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый“.

Несли ему чернильницу вальяхнуну,

Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.

Онъ сталъ имѣннице отписывать:

Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,

Иное имѣние нищей братіи,

Иное имѣнье молодой женѣ,

Остатнее имѣние дружинѣ хоробрыя.

Говорилъ Садко-купецъ, богатый гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Давайте мнѣ гусельки яровчаты,

„Поиграть-то мнѣ во остатнее:

„Больше мнѣ въ гусельки не игривати.

„Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“

Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую —
„Не столь мнѣ страшно принять смерть на синемъ
морѣ“.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю.
А всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжить,
Какъ бѣлѣ кречегъ,
Самого Садки — гостя богатаго.
Остался Садко во синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ —
Стоитъ палата бѣлокаменная;
Заходилъ въ палату бѣлокаменну,
Ко тому царю ко Поддонному,
А царь со царицею споруютъ,
Говоритъ царица морская:
„Есть на Руси желѣзо булатное —
„Дороже булатъ-желѣзо красна-золота;
„Красно-золото катается
„У маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ!“
Говоритъ царицѣ царь морской:
„Ай же ты, царица морская!
„Дороже есть красно-золото,
„А булатъ-желѣзо катается
„У маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ“.
Становился Садко-купецъ, богатый гость,
Насупротивъ ихъ съ дощечкой бѣлодубовой,
Онъ царю съ царицей билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся.

Говорилъ царь морской таково слово:

„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!

„Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,

„Мнѣ, царю, дани не плачивалъ,

„А нони весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.

„Ты скажи по правдѣ, не утай себя,

„Что-то у васъ, на Руси, дѣется —

„Булатъ ли желѣзо дороже красна-золота,

„Али красно-золото дороже булатъ-желѣза?“

Говорить Садко-купецъ, богатый гость:

„Ай же ты, царь морской со царицею!

„Я скажу вамъ правду, не утаю себя:

„У насъ красно-золото на Руси дорого,

„А булатъ-желѣзо не дешевлѣе;

„Потому оно дорого,

„Что безъ красна-золота сколько можно жить,

„А безъ булату-желѣза жить-то не можно,

„А не можно жить вѣдь никакому званію“.

Говорить царь таковы слова:

„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость,

„Скажутъ, мастеръ играть во гусельки яровчаты, —

„Поиграй же мнѣ во гусельки яровчаты“.

Бралъ Садко гуселышки яровчаты,

Яровчаты гусельки, звончаты,

Струночку ко струночкѣ налаживалъ,

Сталъ онъ въ гуселышки поигрывать;

Тутъ царь морской распотѣшился

И началъ плясать по палатѣ бѣлокаменной,

Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,

И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.

Игралъ Садко сутки, игралъ и другія

Да игралъ еще Садко и третіи,

А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ вода всколыбалася,

Со желтымъ пескомъ вода омутилася,

Стала разбивать много кораблей на синемъ морѣ.

Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Николѣ Можайскому,
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!
„Полно тѣ играть во гусельки яровчаты:
„Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
„А скачетъ царь по крутымъ берегамъ;
„Отъ его отъ пляски тонуть-гинуть
„Безповинныя буйны головы!“

«Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость,
«Скажутъ, мастеръ играть во гусельки яровчаты, —
«Поиграй же мнѣ во гусельки яровчаты».

Обернулся-глядить Садко новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.

Говорить Садко новгородскій:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ,—

„Приказано играть въ гусельки яровчаты“.

Говорить старикъ таковы слова:

„А ты струночки повырывай,

„А ты шпенечки повыломай,

„Скажи: у меня струночекъ не случилось,

„А шпенечковъ не пригодилось,

„Не во что больше играть,

„Приломалися гусельки яровчаты.

„Скажетъ тебѣ царь морской:

„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

„На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ!

„Говори ему таковы слова:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ.

„Опять скажетъ царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

„Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.

„Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,

„Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,

„И друго триста дѣвицъ пропусти,

„И третье триста дѣвицъ пропусти,

„Позади идетъ дѣвица-красавица,

„Красавица-дѣвица Черनावушка;

„Бери тую Чернаву за себя замужъ,

„Тогда ты будешь на Святой Руси;

„Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,

„Увидишь и солнце красное.

„А на свою безсчетну золоту казну

„Построй церковь соборную Николѣ Можайскому“.

Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,

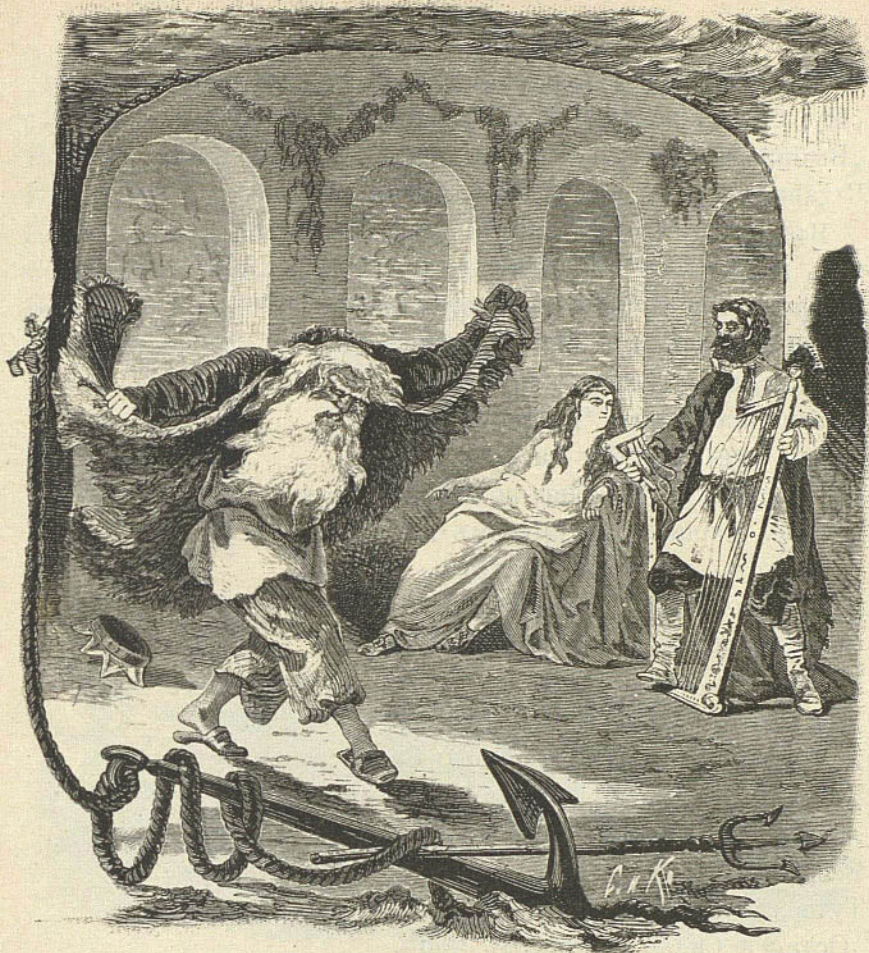
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.

Говорить ему царь морской:

„Ай же ты, Садко новгородскій!

„Что же ты не играешь въ гусельки яровчаты?“—

„У меня струночки во гуселькахъ повыдернулись,

Тутъ царь морской распотѣшился
И начать плясать по палатѣ бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.

„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:

„А струночекъ запасныхъ не случилось,

„А шпенечковъ не пригодилось“.

Говоритъ царь таковы слова:

„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

„На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“

Говоритъ ему Садко новгородскій:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.

Опять говорить ему царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

„Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу“.

Вставалъ Садко поутру ранешенько,

Поглядитъ — идетъ триста дѣвушекъ красныхъ.

Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,

И третье триста дѣвицъ пропустилъ,

Позади шла дѣвица-красавица,

Красавица-дѣвица Черनावушка:

Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.

Какъ проснулся Садко во Новѣ-городѣ

О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,

А невѣсты его и слыху нѣтъ.

Какъ поглядитъ, ажно бѣжать

Свои черленые корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садка съ дружиной во синемъ морѣ.

„Не бывати Садку со синя моря!“

А дружина поминаетъ одного Садка:

„Остался Садко во синемъ морѣ“.

А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,

Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова;

Тутъ его ли дружина сдивовалася.

„Остался Садко во синемъ морѣ,

„Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,

„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“

Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую

И повелъ въ палаты бѣлокаменны.

Тутъ его жена зрадовалася:

Брала Садка за бѣлы руки,

Цѣловала во уста во сахарныя,

Говорила ему таковы слова:

„Ай же ты, любимая семеюшка!

„Полно тебѣ ѣздить по синю морю,

„Тосковать мое ретивое сердечушко

„По твоей по буйной по головушкѣ!

„У насъ много есть имѣнница-богачества,

„И растеть у насъ малое дѣтище!“

Началь Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣннице — безсчетну золоту казну.

Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,

Состроилъ церковь соборную Николѣ Можайскому.

Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,

Сталъ поживать Садко во Новѣ-градѣ.

СУХМАНЪ-БОГАТЫРЬ.

ДАНИЛА ДЕНИСЬЕВИЧЪ и ВАСИЛИСА НИКУЛИШНА.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

Сухманъ-богатырь.

ласкова у князя у Владимира
Было пированье — почестень пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей
И на всю поляницу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,

Почестный пиръ идетъ на-веселѣ;
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Безумный хвастаетъ золотой казной,
А умный хвастаетъ старой матерью,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
А сидитъ во самомъ-то во большомъ углу
А Сухманъ да сидитъ Одихмантьевичъ,
Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыми кудерками потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!

„Что же ты ничѣмъ не хвастаешь,

„Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,

„Бѣлая лебеди не рушаешь?

„Али чара ти шла не рядобная,

„Или мѣсто было не по отчинѣ,

„Али пьяница надсмѣялся ти?“

Воспроговорить Сухманъ Одихмантьевичъ:

„Солнышко-Владимиръ стольно-кїевскій!

„Чара-то мнѣ-ка шла рядобная,

„А и мѣсто было по отчинѣ,

„Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.

„Похвастать не похвастать доброму молодцу:

„Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,

„День съ утра и какъ до вечера,

„Привезу тебѣ лебедь бѣлую,

„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,

„Не ранену лебедку, не кровавлену“.

Далъ ему времечки день съ утра,

День съ утра и какъ до вечера.

Тогда Сухмантій Одихмантьевичъ

Скоро встаетъ на рѣзвы ноги,

Приходитъ изъ гридни изъ столовыя,

Во тую конюшенку стоялую,

Сѣдлаетъ онъ своего добра-коня,

Взимаетъ палицу воинскую,

Взимаетъ для пути для дороженьки

Одно свое ножище-кинжалище.

Садился Сухмантій на добра-коня,

Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,

Ко тоя ко тихія ко заводи.

Какъ прїѣхалъ ко первыя тихія заводи:

Не плаваютъ ни гуси, ни лебеди,

Ни сѣрые малые утеныши.

Ѣхалъ ко другія ко тихія ко заводи:

У тоя у тихія у заводи

Не плавають ни гуси, ни лебеди,
Ни сѣрые малые утеныши.

Ѣхалъ ко третія ко тихія ко заводи:

У тоя у тихія у заводи

Не плавають ни гуси, ни лебеди,

Ни сѣрые малые утеныши.

Тутъ-то Сухмантій пораздумался:

„Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву

„Ко ласкову ко князю ко Владимиру?

„Поѣхать мнѣ — живу не бывать,

„А поѣду я ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ!“

Пріѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ:

Матушка Нѣпра-рѣка течетъ не по-старому,

Не по-старому течетъ, не попрержнему,

А вода съ пескомъ помутилася.

Сталъ Сухмантыюшка выпрашивати:

„Что же ты, матушка Нѣпра-рѣка,

„Что же ты текешь, не по-старому,

„Не по-старому текешь не попрержнему

„А вода съ пескомъ помутилася?“

Испроговоритъ матушка Нѣпра-рѣка:

„Какъ же мнѣ течи было по-старому,

„По-старому течи, попрержнему,

„Какъ за мной, за матушкой Нѣпрѣй-рѣкой,

„Стоитъ сила татарская — невѣрная,

„Сорокъ тысячей татаровей поганныхъ?

„Мостятъ они мосты калиновы:

„Днемъ мостятъ, а ночью я повырою, —

„Изъ силъ матушка Нѣпра-рѣка повыбилась“.

Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:

„Не честь-хвала мнѣ молодецкая,

„Не отвѣдать силы татарскія,

„Татарскія силы невѣрныя“.

Направилъ своего добра-коня

Черезъ тую матушку Нѣпру-рѣку.

Его добрый конь перескочилъ.

Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
Ко сыру дубу кряковисту,
Выдергиваль дубъ со кореньями,
За вершинку браль, а съ корня сокъ бѣжалъ,
И поѣхаль Сухмантыюшка съ дубиночкой;
Напустилъ онъ своего добра-коня
На тую ли на силу на татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началь татаръ поколачивати:
Махнетъ Сухмантыюшка — улица,
Отмахнетъ назадъ — промежуточекъ,
И впередъ просунетъ — переулочекъ.
Убилъ онъ всѣхъ татаръ поганныхъ,
Бѣжало три татарина поганныхъ;
Бѣжали ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ,
Садились подъ кусточки подъ раkitовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхаль Сухмантій Одихмантьевичъ
Ко той ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ.
Пустили три татарина поганныхъ;
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его во бока во бѣлые.
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленыя выдергиваль,
Сорвалъ въ раны кровавые листочки маковы,
А трехъ татаровей поганныхъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
Садился Сухмантій на добра-коня,
Припустилъ ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ,
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому двору княжецкому,
Привязаль коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу, ко золоченому,
Самъ бѣжалъ во гридню во столовую.
Князь Владимиръ стольно-кіевскій
По гриднѣ столовая похаживаетъ,

Желтыми кудерками потряхиваетъ,
Самъ говорить таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ,
„Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую —
„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
„Не ранену лебедку, не кровавлену?“
Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичъ:
„Солнышко, князь стольно-кіевскій,
„Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
„А за той за матушкой Нѣпррой-рѣкой
„Стояла сила татарская невѣрная,
„Сорокъ тысячей татаровей поганныхъ;
„Шла же эта сила во Кіевъ-градъ,
„Мостила мосточки калиновы:
„Они днемъ мосты мостятъ,
„А матушка Нѣпра-рѣка ночью повыроетъ.
„Напустилъ я своего добра-коня
„На тую на силу на татарскую,
„Побилъ всѣхъ татаръ поганныхъ“.
Говорятъ князи вѣдь и бояры,
А и сильны, могучи богатыри:
„Ахъ ты, Владимиръ стольно-кіевскій!
„Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
„Надъ тобой Сухманъ нарыгается,
„Надъ тобой ли нынѣ княземъ Владимиромъ“.
За тья за рѣчи за похвальныя
Посадилъ его Владимиръ стольно-кіевскій
Во тьи погреба, во глубокіе,
Во тьи темницы темныя,
Желѣзными плитами задвигали,
А землей его призасыпали,
А травой его замуравили.
А послалъ Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Нѣпру-рѣку
Провѣдать заработки Сухмантьевы.
Сѣдлалъ Добрыня добра-коня

И поѣхалъ молодецъ во чисто-поле.
Привѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ,
И видитъ Добрынюшка Никитинецъ:
Побита сила татарская;
И видитъ дубиночку-вязиночку
У тоя рѣки разбитую на лозиночки.
Привозитъ дубиночку во Кіевъ-градъ,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Самъ говоритъ таково слово:
„Правдой хвасталъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
„За той за матушкой Нѣпррой-рѣкой
„Есть сила татарская побитая,
„Сорокъ тысячей татаровей поганныхъ;
„И привезъ я дубиночку Сухмантьеву,
„На лозиночки дубиночка облочкана“.
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ай же, слуги мои вѣрные!
„Скоро идите во глубокъ погребъ,
„Взимайте Сухмантя Одихмантьевича,
„Приводите ко мнѣ на ясны очи:
„Буду его, молодца, жаловать, миловать
„За его услугу за великую
„Городами его съ пригородками,
„Али селами съ приселками,
„Аль безсчетной золотой казной до любви“.
Приходятъ его слуги вѣрные
Ко тому ко погребу глубокому.
Сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Выходи со погреба глубокаго:
„Хочетъ тебя солнышко жаловать,
„Хочетъ тебя солнышко миловать
„За твою услугу великую“.
Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
Выходилъ на далече-далече чисто-поле

И говорилъ молодецъ таковы слова:
„Не умѣлъ меня солнышко миловать,
„Не умѣлъ меня солнышко жаловать:
„А теперъ не видать меня во ясны очи!“
Выдергивалъ листочки маковые
Съ тихихъ съ ранъ со кровавыхъ,
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки Сухманъ-рѣка
„Отъ моя отъ крови отъ горючія,
„Отъ горючія крови отъ напрасныя!“

Данила Денисьевичъ и Василиса Никулишна.

 князя было у Владимира,
У кievскаго солнышка Сеславьевича,
Было пированьице почестное,
Честно и хвално, больно радостно,
На многи князья и бояра,
На сильныхъ, могучихъ богатырей
И на всю поляницу удалую.
Вполсыта бояре наѣдались,
Вполпьяна бояре напивались,
Промежъ себя бояре похвалялись:
Сильн-атъ хвалится силою,
Богатый хвалится богатствомъ;
Купцы — тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояре — тѣ хвалятся помѣстьями,
Они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
Тутъ возговоритъ самъ Владимиръ князь:
„Охъ ты, гой еси, Данилушка Денисьевичъ!
„Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
„Али ничѣмъ те похвалитися?

„Али нѣту у тебя золотой казны?

„Али нѣту у тебя молодой жены?

„Али нѣту у тебя платья цвѣтного?“

Отвѣтъ держить Данила Денисьевичъ:

„Ужъ ты, батюшка нашъ Владимиръ князь!

„Есть у меня золота казна,

„Еще есть у меня молода жена,

„Еще есть у меня и платье цвѣтное,

„Нешто такъ я это призадумался“.

Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.

Тутъ возговорить самъ Владимиръ князь:

„Ой вы, гой еси, князя-бояра,

„Сильные могучіе богатыри,

„И вся поляница удалая!

„Ужъ вы всѣ у меня переженены,

„Одинъ-то я не женатъ хожу;

„Вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,

„Вы хорошую и пригожую;

„Чтобъ лицомъ красна и умомъ сверстна,

„Чтобъ умѣла русскую грамоту

„И четью-пѣтью церковному,

„И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,

„И было бы съ кѣмъ слово перемолвити,

„При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,

„И было бы кому вамъ поклонитися,

„Чтобы было кого назвать вамъ матушкой,

„Взвеличать бы государыней“.

Изъ-за лѣвой было изъ-за сторонушки,

Тутъ возговорить Мишатычка Путятинъ сынъ:

„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь!

„Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ,

„Много видалъ я королевичень,

„Много видалъ и изъ ума пыталъ:

„Котора лицомъ красна — умомъ не сверстна,

„Котора умомъ сверстна — лицомъ не красна;

„Не нахаживалъ я такой красавицы,

„Не видывалъ я этакой пригожицы —
„У того ли Данилы Денисьевича,
„Еще та ли Василиса Никулишна:
„И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
„И русскую умѣть больно грамоту,
„И четью-пѣтью горазда церковному;
„И было бы тебѣ съ кѣмъ думу подумати,
„И было бы съ кѣмъ слово перемолвити,
„При пиру, при бесѣдушки похвалитися,
„И было бы кому намъ поклонитися,
„Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
„Взвеличать намъ государыней!“
Это слово больно князю не показалось,
Володимиру словечку не полюбилось.
Тутъ возговорить самъ батюшка Володимиръ князь.
„Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано —
„Отъ живого мужа жену отнять!“
Приказалъ Мишатычку казнить-вѣшати,
А Мишатычка Путятинъ примѣтливъ былъ,
На иную на сторонку перекинулся:
„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь,
„Погоди меня скоро казнить-вѣшати,
„Прикажи, государь, слово молвити!“
Приказалъ ему Владимиръ слово молвити.
„Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
„Во тѣ ли луга Леванидовы,
„Мы ко ключику пошлемъ ко греячему,
„Велимъ поймать птичку бѣлогорлицу,
„Принести ее къ обѣду княженецкому;
„Что еще убить ему звѣря лютаго,
„Звѣря лютаго сиво-пераго, лихошерстнаго,
„Еще вынуть у него сердце со печенью!“
Это слово князю больно показалось,
Володимиру словечко полюбилось.
Тутъ возговорить старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:

„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь!

„Изведешь ты яснаго сокола,

„Не поймать тебѣ бѣлой лебеди!“

Это слово князю не показалось,

Посадилъ Илью Муромца во погребъ.

Садился самъ на золотъ стулъ.

Онъ писалъ ярлычки скорописные,

Посылалъ онъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ

Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ,

Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.

На дворъ-атъ вѣзжаетъ безопасышно,

Во палатушку входитъ безобсылышно.

Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:

„Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецкій сынъ!

„Для чего ты, невѣжа, этакъ дѣлаешь:

„Ты на дворъ-отъ вѣзжаешь безопасышно,

„Во палатушкуходишь безобсылышно?“

Отвѣтъ держитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:

„Охъ ты, гой еси, Василиса Никулишна!

„Не своей я волей къ вамъ въ гости зашелъ,

„Прислалъ меня самъ батюшка Володимиръ князь

„Съ тѣми ярлычками скорописными“.

Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошелъ.

Стала Василиса ярлычки пересматривать:

Залилась она горючими слезми.

Скидала съ себя платье цвѣтное,

Надѣваетъ на себя платье молодецкое,

Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле

Искать мила дружка своего Данилушку.

Нашла она Данилу свѣтъ Денисьевича,

Возговоритъ ему таково слово:

„Ты, надеженька, надежа, мой сердечный другъ,

„Да ужъ молодой Данила Денисьевичъ!

„Что останное намъ съ тобой свиданьице!

„Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку двору“.

Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичъ:

„Охъ ты, гой еси, Василисушка Никулишна!

„Погуляемъ-ко въ остатки по чисту полю,

„Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебедушекъ!“

Погулявши, поѣхали къ широку двору.

Возговорить Данила свѣтъ Денисьевичъ:

„подавай мнѣ малъ-колчанъ въ полтретья ста стрѣлъ“.

Она подала ровно въ триста стрѣлъ.

Возговорить Данилушка Денисьевичъ:

„Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!

„Чего ради ты, невѣжа, ослушаешься?

„Аль не чаешь надъ собою большаго?“

Василисушка на это не прогнѣвалась

И возговорить ему таково слово:

„Ты надеженька, мой сердечный другъ,

„Да ужъ молодой Данилушка Денисьевичъ!

„Лишняя стрѣлочка тебѣ пригодится:

„Пойдетъ она не по князѣ, не по баринѣ,

„А по своемъ братѣ богатырѣ“.

Поѣхалъ Данила во чисто-поле,

Что во тѣ луга Леванидовы,

Что ко ключику ко гремячему,

И къ колодезю приѣхалъ ко студеному.

Беретъ Данила трубоньку подзорную,

Глядитъ ко городу ко Киеву.

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,

Не черныя грязи зачернѣлися,

Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская

На того ли на Данилу на Денисьевича.

Тутъ заплакалъ Данила горючими слезми,

Возговорить онъ таково слово:

„Знать, гораздо я князю сталъ непонадобенъ

„Знать, Владимиру не слуга я былъ!“

Беретъ Данило саблю боевую,

Прорубилъ Денисьичъ силу русскую.

Погодя того времячко манешенько,

Беретъ Данило трубочку подзорную,

Глядитъ ко городу ко Кіеву.

Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся,

Не два сыра дуба шатаются:

Слонятся-шатаются два богатыря

На того ли на Данилу на Денисьевича,

Его родный братъ Никита Денисьевичъ

И названный братъ Добрыня Никитовичъ.

Тутъ заплакалъ Данила горючими слезми:

„Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣ-
вался,

„Володимиръ князь на удалаго осердился!“

Тутъ возговорить Данила Денисьевичъ:

„Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано —

„Братъ на брата съ боемъ идетъ?“

Беретъ Данило остро копье,

Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,

А на вострый конецъ самъ упалъ.

Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,

Покрылъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.

Подъѣзжали къ нему два богатыря,

Заплакали объ немъ горючими слезми.

Поплакавши, назадъ воротилися,

Сказали князю Володимиру: „Не стало Данилы,

„Что того ли удалаго Денисьевича!“

Тутъ собираетъ Володимиръ поѣздъ-атъ,

Садился въ колесычку во золоту,

Поѣхалъ ко городу Чернигову,

Приѣхалъ ко двору ко Данилину;

Восходятъ во теремъ Василисинъ-атъ.

Цѣловалъ ее Володимиръ во сахарныя уста.

Возговорить Василиса Никулишна:

„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь!

„Не цѣлуй меня во уста во кровавыя

„Безъ моего друга Данилы Денисьевича“.

Тутъ возговорить Володимиръ князь:

„Охъ ты, гой еси, Василиса Никулишна!

„Наряжайся ты въ платьѣ цвѣтное,
„Въ платьѣ цвѣтное — подвѣчное!“
Наряжалась она въ платьѣ цвѣтное,
Взяла съ собой булатный ножъ,
Поѣхали ко городу ко Кіеву.
Поверстались супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговорить Василиса Никулишна:
„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь!
„Пусти меня проститься со милымъ дружкой,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьевичемъ“.
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась сна Данилѣ Денисьевичу,
Поклонилась она да восклонила,
Возговорить она двумъ богатырямъ:
„Охъ вы, гой есте, мои вы два богатыря!
„Вы подите, скажите князю Владимиру,
„Чтобъ не далъ намъ валяться по чисту полю —
„По чисту полю со милымъ дружкой,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьевичемъ“.
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя, —
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя;
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володимиру:
„Ужъ ты, батюшка Володимиръ князь!
„Не стало нашей матушки Василисы Никулишны.
Передъ смертью она намъ промолвила:
„Охъ вы, гой есте, мои вы два богатыря!
„Вы подите скажите князю Владимиру,
„Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
„По чисту полю со милымъ дружкой,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ!“
Пріѣхалъ Володимиръ во Кіевъ-градъ,
Выпускалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его въ голову, во темячко:

„Правду сказалъ ты, старый казакъ,
„Старый казакъ Илья Муромецъ!“
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котель.

Отчего перевелись витязи на святой Руси.

Выѣзжали на Сафать рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годесско Блудовичъ,
Да Василий Казиміровичъ,
Да Василий Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ — гостинный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третья-то дорога къ синю морю далекому.
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлѣ полотнянѣ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,

Зеленую траву пощипываютъ,
Золотою уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держать.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня-молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.

Видитъ Добрыня за Сафатъ рѣкой —
Бѣлъ полотнянъ шатерь:

Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченкокъ,
Злой татаринъ-бусурманченкокъ,
Не пропускалъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.

Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,

Клалъ на него онъ потнички,

А на потнички — коврички,

Клалъ сѣдельце черкасское,

Бралъ копьеце мурзамецкое,

Бралъ чингалище булатное

И садился на добра коня.

Подъ Добрыней конь осержается:

Отъ сырой земли отдѣляется,

Выходы мечеть по мѣрной верстѣ,

Выскоки мечеть по сѣнной копнѣ.

Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру

И кричитъ зычнымъ голосомъ:

„Выходи-ка, татарченкокъ, злой татаринъ-бусурманченкокъ:

„Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.

Въ ту пору выходить татаринъ изъ бѣла шатра

И садился на добра коня.

Не два вѣтра въ полѣ слетались,

Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:

Слетались, сходилися два удалые витязя.

Ломались копья ихъ острия,

Разлетались мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И схватились въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,—
И валился онъ на сыру-землю;
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенюю.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланый и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не весель,
Потупилъ очи во сыру землю,—
Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня:
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ высоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣлъ во поляхъ забѣлѣлася—
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что ни синь во поляхъ засинѣлася—
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася—
Закраснѣлася кровь съ печенюю.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру—
У того ли шатра спитъ Добрыня-молодецъ:
Очи ясныя закатились,
Руки сильныя опустились,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.

И кричить Алеша зычнымъ голосомъ:

„Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,

„На честный бой, на побраночку“.

Отвѣчаетъ ему татарченокъ:

„Охъ ты, гой еси, Алеша Поповичъ младъ,

„Ваши роды не уклончивы,

„Не уклончивы ваши роды, неустойчивы —

„Что не стать тебѣ со мной бой держать“.

Возговорить на то Алеша поповичъ младъ:

„Не хвались на пиръ идучи,

„А хвались съ пиру идучи!“

Въ ту пору выходить татаринъ изъ бѣла-шатра

И садился на добра коня.

Не два вѣтра въ полѣ слетались,

Не двѣ тучи въ небѣ сходились, —

Сходились, слетались два удалые витязя.

Ломались копья ихъ острия,

Разлетались мечи ихъ булатные,

И сходили они со добрыхъ коней

И хватались въ рукопашный бой.

Одолѣлъ Алеша татарина,

Валилъ его на сыру землю,

Скакалъ ему на бѣлы груди,

Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,

Вынимать сердце съ печеню.

Отколь тутъ не взялся черный воронъ

И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:

„Охъ ты, гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

„Ты послушай меня, черного ворона:

„Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей,

„А слетаю я на сине море,

„Принесу тебѣ мертвой и живой воды:

„Вспрыснешь Добрыню мертвой водой —

„Сростется его тѣло бѣлое;

„Вспрыснешь Добрыню живой водой —

„Тутъ и очнется добрый молодецъ...”“

Въ ту пору Алеша ворона послушался,
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды.
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой —
Сросталось тѣло его бѣлое,
Затягивались раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой —
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ: черезъ Сафать рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названные?“
Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силу басурманскую,
Стали силу колоть, рубить;
Не столько витязи рубятъ,
Сколько ихъ добрые кони топчуть.
Бились три часа и три минуточки —
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахались наши плечи могучія,
„Не уходились наши кони добрые,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:

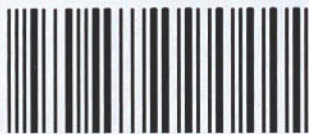
„Подавай намъ силу не здѣшнюю —
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и слетѣли двое воителей,
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать.
„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.
Не узнали витязи воителей.
Разгорался Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить,
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могучія,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменные горы,
Въ темныя пещеры:

Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжить другой,
Такъ и окаменѣтъ;
Какъ подбѣжить третій,
Такъ и окаменѣтъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Святогоръ богатырь.....	3
Святогоръ и Илья.....	4
Вольга Всеславьевичъ.....	9
Вольга Всеславьевичъ и Микула Селяниновичъ.....	16
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ.....	22
Добрыня Никитичъ.....	68
Чурило Пленковичъ.....	100
Дюкъ Степановичъ.....	108
Соловей Будимировичъ.....	129
Садко-купецъ, богатый гость.....	137
Сухманъ богатырь.....	154
Данила Денисьевичъ и Василиса Никулишна.....	160
Отчего перевелись витязи на Святой Руси.....	167

2007088999